

В. С. Иконникова

КНЯЗЬ М. В. СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(съ изображеніемъ).

В. С. Иконникова,

Профессора Университета Св. Владиміра.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1875.

Оттискъ изъ сборника „Древняя и Новая Россія“. 1875 г

КІЕВЪ.
Университетская типографія.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

I.

Вѣтвь Скопиныхъ-Шуйскихъ была немногочисленна. Она началась съ прадѣдомъ кн. Михайла Васильевича, прозваннымъ Скопою, и прекратилась съ героемъ Смутнаго времени (см. Родосл. табл. къ Ист. Соловьева, табл. VI; Родосл. книга кн. П. Долгорукова, I, 234) *). Дѣдъ послѣдняго, Өедоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ прочими Шуйскими, принималъ участіе въ правленіи во время малолѣтства Ивана Грознаго, содѣйствовалъ удаленію любимца царскаго, Воронцова, потерпѣлъ ссылку вмѣстѣ съ своими родственниками отъ Глинскихъ и явился мстителемъ ихъ во время страшныхъ московскихъ пожаровъ 1547 г. Вмѣстѣ съ царскимъ духовникомъ, Өедоромъ Барминымъ, онъ увѣрялъ молодаго Ивана въ виновности Глинскихъ и народная кара, постигшая ихъ, по всей вѣроятности, не была чужда этихъ внушеній. (Карамзинъ, изд. Эйнерл., VIII, 47, 51, 61—64; Соловьевъ, VI, 42—57; ср. Сказ. кн. Курбскаго и перепис. его съ Іоан., 2,185) **). Не смотря на это, сынъ его, Василій, спустя 20 лѣтъ, встрѣчается между боярами первой статьи (Соловьевъ, VII, 7) и затѣмъ остается бояриномъ при дворѣ Ивана Грознаго во все время царствованія (Карамзинъ, X, примѣч. 23). Ему была ввѣрена главная рать, собиравшаяся противъ Баторія въ Новгородѣ (Разряды въ Древн. Рос. Вивл., XIV, 349), а вмѣстѣ съ кн. Ив. Петр. Шуйскимъ онъ былъ и главнымъ защитникомъ Пскова (Карамзинъ, X, примѣч. 567).

Царствованіе Өедора Ивановича застало кн. Василія Скопина намѣстникомъ Новгорода (ib., X, 30); но, какъ первый намѣстникъ и бояринъ, онъ жилъ въ Москвѣ, а въ Новгородѣ управлялъ младшій намѣстникъ, кн. Михаилъ Петровичъ Катыревъ (ib. 418). Уже на первыхъ порахъ непримиримость двухъ партій, Шуйскихъ и Годуновыхъ, стало очевидною. Сначала, при посредствѣ митр. Діонисія, удалось устроить между ними миръ (1585 г.), но непрочность его вскорѣ обнаружилась въ полной силѣ: все чего хотѣла одна партія, тому противилась другая, и Шуйскіе ни въ чемъ не хотѣли уступить Годуновымъ (Никон. лѣт. годъ 1585; Латух. степ. книга; Карамз. X, пр. 143). Борисъ Годуновъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ противъ нихъ. Тогда Шуйскіе, въ союзѣ съ митрополитомъ и московскими торговыми людьми, рѣшились окончательно поколебать автори-

---

*) Иванъ Скопа происходилъ въ прямой линіи отъ князя Дим. Константиновича Нижегородскаго (Родосл. книга во Времен. Моск. общ. исторіи, X, 44). Скопа́—хищная птица изъ рода орловъ (Словарь церк. слав. яз. изд. Ак. Наукъ и Областн. Словарь Даля). Родовая вотчина Никиты Романова — Острожокъ — въ цар. Алексѣя Михайловича принимаетъ названіе Скопинской слободы (потомъ городъ Скопинъ), отъ водившейся въ ея окрестностяхъ птицы Скопы. И теперь эта птица, изображенная на голубомъ полѣ летящею, служитъ гербомъ гор. Скопина (Статист. опис. Рязан. губ. Барановича, 512; Географ. Слов. Семенова, IV, 621). Есть извѣстіе, что большая часть Скопинскихъ волостей принадлежала роду Скопиныхъ—Шуйскихъ. (Замѣч. о земл. Рязан. Чтен. Моск. общ. исторіи, годъ 1, кн. 1, 23).

**) Передъ смертію онъ принялъ схиму съ именемъ Өеодосія. Фамильная усыпальница князей Скопиныхъ—Шуйскихъ находится въ Суздалѣ, въ соборной церкви Рождества Богородицы. (см. Историч. собраніе о градѣ Суждалѣ. Временникъ Моск. общ. ист. кн. XXII, стр. 154, 202.)

Жена кн. Өедора Скопина похоронена въ Сузд. Покров. дѣвич. монаст. ib. 182.

---

*) Очеркъ этотъ былъ читанъ въ общемъ засѣданіи Кіевскаго историческаго общества 27 октября 1874 г. см. Чтения в Историч. общ. Нестора летописца книга I (1873-77г) стр 102-173.

тетъ Бориса. Они стали убѣждать царя развестись съ женою (сестрою Бориса), по причинѣ бездѣтства, и уже прочили ему новую жену, сестру кн. Ѳед. Ив. Мстиславскаго*). Но Борисъ во время узналъ объ этомъ, разрушилъ ихъ замыселъ и пристыдилъ митрополита, обѣщавъ никого не тронуть; только предполагавшаяся невѣста царя была пострижена. Однако, вскорѣ, подъ предлогомъ измѣны, начались преслѣдованія Шуйскихъ и ихъ партіи: однихъ сослали, другихъ казнили; митрополита Діонисія заточили въ Хутынскій монастырь, Шуйскіе были разосланы въ дальнія мѣста, а кн. Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій лишился своего пожалованья Каргополя; но его оставили въ Москвѣ **). Этотъ погромъ до того былъ страшенъ для самаго правительства, что оно рѣшилось смягчить его значеніе передъ иностранными державами. Указывая на царскія милости къ Шуйскимъ, послы должны были говорить, что хотя кара постигла виновныхъ за измѣну, но царь помиловалъ ихъ, разославъ только по деревнямъ. А о князѣ В. Ѳ. Скопинѣ-Шуйскомъ въ наказѣ посламъ прибавлено: «до князя В. Ѳ. слово не дошло, и онъ предъ государемъ живетъ по старому; нынѣ съѣхалъ съ государева жалованья, съ Каргополя». Такъ дипломатически выражено лишеніе его послѣдняго! (Дѣла польскія, у Карамзина, X, примѣч. 148; ср. также Латух. степен. книгу; примѣч. ib. 147; Никон. лѣт. годъ 1587; Морозова, лѣт. г. 1587 ib примѣч. 148).

Въ годъ этого погрома у князя Вас. Ѳеодоровича родился сынъ, Михаилъ, будущій дѣятель Смутнаго времени ***).

*) Современники говорятъ, что сестра Бориса, Ирина, отличалась способностью вліять и вліяла даже на брата. (Флетчеръ, гл. VII; Горсей у Гаклюйта, I, 529.)

**) Въ 1586 г. новгородскимъ намѣстникомъ былъ уже Дмитрій Ив. Годуновъ. (Карамзинъ, X, примѣч. 418).

***) Въ статьѣ «О рожденіи кн. Михаила Васильевича» помѣщенной въ хронографѣ, принадлежавшемъ древлехранилищу Погодина, замѣчено: «родился убо сей вел. воинъ и воевода князь М. В. Шуйской въ лѣта 7095 и наречено бысть имя его на память собора св. арханг. Михаила мѣс. ноября въ 8 день». (Изборникъ славян. и рус. сочин., внесен. въ хронографы, А. Попова, стр. 379).

Жизнь князя М. В. Скопина-Шуйскаго не богата біографическимъ матеріаломъ. Отъ него самого до насъ не дошло ни одного слова, ни одного письма; точно также какъ не дошло ни писемъ, ни записокъ и отъ лицъ, близкихъ къ нему. Еще С. М. Соловьевъ замѣтилъ: «Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ, мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ Пожарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку». Вслѣдствіе этого и фигура Скопина представляется историку «покрытою съ головы до ногъ пеленою: можно догадываться, что это что нибудь величественное, но что именно не знаемъ» (IX, 472—73). Статья Н. И. Костомарова «О личностяхъ Смутнаго времени» (Вѣстн. Европы, 1871, іюнь) представляетъ собственно подробное развитіе той же мысли. О Скопинѣ онъ говоритъ: «Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отличнымъ отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ; нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность». Авторъ этихъ словъ затрудняется опредѣлить, какая черта въ характерѣ Скопина была преобладающею, руководящею: разсудительность или юношеское увлеченіе, предусмотрительность или хитрость, нравственныя побужденія или честолюбіе (стр. 499—501). Такой общій приговоръ о дѣятеляхъ Смутнаго времени встрѣтилъ недавно возраженіе со стороны И. Е. Забѣлина. «Намъ говорятъ, — замѣчаетъ онъ, — что источники нашей исторіи очень скудны и потому всѣ наши историческія личности неясны, тусклы, освѣщены неправильнымъ, фальшивымъ свѣтомъ, при помощи уже нашего воображенія... Мы вообще убѣждены, что источники тутъ не причина. Если можетъ что затруднить дѣло, такъ это только самая работа надъ источниками, тяжелая, мелочная, до крайности скучная, въ которой сохнетъ умъ, вянетъ воображеніе, но за то выростаетъ дос-

товѣрность» (Прямые и кривые въ Смутное время. Рус. Арх. 1872, I, 367—68). Конечно, трудность работы по мелочамъ еще болѣе усложняется въ тѣхъ вопросахъ, которые представляютъ массу неумышленныхъ противорѣчій и умышленныхъ недомолвокъ, къ какимъ безъ сомнѣнія слѣдуетъ отнести и настоящій, къ которому мы и обращаемся.—

М. В. Скопинъ лишился отца на восьмомъ году (7103, т. е. въ 1595. См. Сказ. о рож. 379 и Послужн. спис. чиновъ. въ Древ. Рос. Вивліоѳ. XX, 65) *); но мать позаботилась о его воспитаніи. Послѣ 7-ми лѣтъ, по обычаю того времени, его стали учить грамотѣ. Біографъ Скопина хвалитъ «быстроту его разума», благодаря чему, ученіе далось ему легко. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ зачисленъ «въ царскіе жильцы» **). Замѣтка біографа Скопина объ его обученіи имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ то время были князья и бояре, которые, по неграмотности, не могли подписать своихъ именъ (Собр. госуд. грам., I, № 189, стр. 556). Но Скопинъ принадлежалъ уже къ новому поколѣнію. То было уже время умственнаго возбужденія въ Московскомъ государствѣ: правительство заботилось о книгопечатаніи, о заведеніи высшихъ школъ, о посылкѣ молодыхъ людей за границу (одинъ изъ которыхъ и оказалъ потомъ услугу Скопину), хотя эти планы встрѣтили серьезное сопротивленіе и не удались вполнѣ. Книжность Ивана Грознаго, заботы Бориса Годунова объ образованіи, говорятъ уже, что, по крайней мѣрѣ въ высшемъ кругу, потребность болѣе широкаго образованія стала сознаваться. Правда, изъ описанія рукописей и библіотекъ того времени видно, что тогда еще вполнѣ господствовала духовная литература, но въ тоже время дѣлаются попытки и въ другомъ родѣ. Не говоря уже объ опытахъ въ соединеніи историческаго матеріала и стремленіи къ изученію общей исторіи, въ XVI вѣкѣ являются даже переводы польскихъ хроникъ и космографій *).

Біографъ Скопина хвалитъ также его поведеніе въ бытность на службѣ при дворѣ. Несмотря на свою юность, онъ отличался «многолѣтнимъ разумомъ»: не гордился передъ низшими, не хвалился своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ на своихъ товарищей, но былъ тихъ и скроменъ, и потому въ это «страстивое и нужное время» онъ прожилъ «въ тишинѣ», а то было время Годуновскаго террора, наводившаго общій страхъ; время, когда было такъ легко выслужиться за клевету на своихъ близкихъ, нашедшую себѣ надежный притонъ въ стѣнахъ дворца. Съ указанными чертами Скопина намъ придется встрѣтиться далѣе, гдѣ мы приведемъ свидѣтельства не одныхъ панегиристовъ.

Понятно, что Борисъ не могъ быть спокоенъ

*) Передъ смертію онъ также принялъ схиму, съ именемъ Іоны. Его похоронили въ Суздалѣ, въ фамильной усыпальницѣ. (О градѣ Суждалѣ, ib., стр. 202 и Повѣсть о рож. Скоп., 379).

Мать М. В. была изъ роду Татевыхъ (Елена Петровна, ib.), дочь боярина Петра Ивановича Татева, въ монашествѣ Пимена (см. Списокъ надгробій Троицкой лавры, Чтен. Моск. общ. ист., 1846, II, 37 и Послуж. спис. XX, 59).

**) Это были отборные изъ дѣтей боярскихъ. Съ царевичемъ Дмитріемъ въ Угличѣ забавлялись «маленькіе робятки жильцы» (Собр. госуд. грам., II, 103 — 116). Въ Царств. книгѣ читаемъ: «жильцы выборомъ дѣти боярскія». (Карамзинъ, примѣч. 272, т. X). У Котошихина о жильцахъ говорится: «Чинъ ихъ таковъ: для походу и для всякаго дѣла спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по 40 и больше, и посылаютъ ихъ во всякія посылки; а дѣти они боярскіе-жъ, и дьячьи, и подъяческіе. И изъ того чину бываютъ въ стряпчихъ, и въ стольникахъ, и въ думныхъ людяхъ, да они-жъ бываютъ въ начальныхъ людехъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейтарехъ, и въ солдатехъ, и будетъ ихъ числомъ до 2000 чел. Да и всѣмъ боярскимъ, и окольничихъ, и думныхъ людей дѣтемъ первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ таковажъ только по породѣ своей одни за другими неравны». (Котошихинъ, 2-е изд., 21). Въ 1664 г. ихъ было до 3000 чел. Они находились въ вѣдѣніи Разряда. При пожалованіи говорилось, что пожалованъ изъ жилья въ дворяне, стряпчіе и т. д. При Петрѣ Вел. ими комплектовались гвардейскіе полки. Въ 1710 г., ихъ было всего 300 чел., послѣ чего это званіе прекратилось. (Древ. Рос. Вивл., XX, 170).

*) Въ описи царскаго архива 1575—84 гг. упоминается, что въ ящикѣ 217 хранится между прочимъ переводъ лѣтописца польскаго и космографіи, причемъ замѣчено: «отданъ къ государю» (Акт. Арх. Экспед., I, 353). Полагаютъ, что это былъ переводъ хроники Бѣльскаго и его космографіи. (Обз.русск. хроногр. А. Попова, II 95). Въ описи имущества новгор. воеводы Татищева называется: «Книга землемѣрья, космографія тожъ, печатная велика; цѣна 10 рублей». (Времен. Моск. общ. ист. VIII, смѣсь, 34).

насчетъ Шуйскихъ. Есть извѣстіе, что въ то время, когда онъ разыгрывалъ комедію съ избраніемъ на царство, притворно отказываясь отъ предлагаемаго вѣнца, Шуйскіе стали убѣждать другихъ, что непристойно далѣе упрашивать его, а слѣдуетъ приступить къ избранію новаго лица, и это ускорило согласіе Бориса (Татищев, бумаги въ портфелѣ Миллера, № 7, въ Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, см. Ист. Соловьева, VIII, примѣч. 12). Въ царствованіе же Вас. Шуйскаго, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ подалъ челобитную на князя Дм. Пожарскаго, въ которой жаловался, что послѣдній доносилъ царю Борису, что онъ, князь Лыковъ, съ князьями Голицыными и Татевымъ имѣютъ противъ царя враждебные замыслы; а мать князя Пожарскаго доносила въ тоже время женѣ Бориса, что мать Лыкова съѣзжается съ женою князя Вас. Ѳед. Шуйскаго и ведетъ съ нею злыя бесѣды про царицу и ея дочь Ксенію. Лыковъ заявлялъ, что по этому поводу онъ и его мать подверглись опалѣ Бориса (Русск. истор. сбор. II, 265). Отсюда мы вправѣ предполагать, что и семья Скопина-Шуйскаго не пользовалась расположеніемъ царя *).

Борисъ нѣсколько разъ удалялъ Шуйскихъ отъ двора и снова приближалъ; но подозрѣніе противъ нихъ все-таки оставалось: лица, посѣщавшія ихъ даже въ дни милости, подвергались пыткѣ и допросамъ (Маржеретъ, 286, 292)**). Старшій изъ фамиліи Шуйскихъ, князь Василій Ивановичъ, вмѣстѣ съ представителемъ другой знатной фамиліи, княземъ Ѳед. Ив. Мстиславскимъ, былъ лишенъ самаго обыкновеннаго права—брака. Если онъ и уцѣлѣлъ во время общей переборки своей фамиліи, и даже сослужилъ Борису услугу въ дѣлѣ царевича Дмитрія, то безъ сомнѣнія въ этомъ помогла ему изворотливость его характера, отличавшагося двуличностью. Но въ минуту опасности, когда познаются настоящіе друзья, князья Мстиславскій и оба Шуйскіе (Василій и Дмитрій) своимъ бездѣйствіемъ доставили торжество самозванцу; а показаніе Вас. Шуйскаго въ пользу послѣдняго на Лобномъ мѣстѣ рѣшило и участь сына Годунова на престолѣ.

Понятно, что Дмитрій Самозванецъ долженъ былъ оказать покровительство врагамъ Бориса ***); но измѣна Вас. Шуйскаго, распускавшаго слухи о самозванствѣ Дмитрія, повредила на первыхъ же порахъ его семьѣ: за это онъ поплатился съ братьями временною ссылкою. Между тѣмъ, князь Скопинъ-Шуйскій, вскорѣ по прибытіи Дмитрія Самозванца въ Москву, былъ пожалованъ въ великіе мечники, новое придворное достоинство, учрежденное по образцу польскому, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ порученіе привезти изъ Выксинской пустыни царицу Марѳу, которая, какъ мать царевича Дмитрія, должна была теперь засвидѣтельствовать истинность московскаго царя. Такъ началось возвышеніе Скопина. Самозванецъ могъ, безъ сомнѣнія, разсчитывать, что это довѣріе къ одному изъ Шуйскихъ послужитъ въ его пользу, а послѣ прощенія виновныхъ еще болѣе выкажетъ его безпристрастіе.

18-го іюня (1605 г.), Скопинъ привезъ Марѳу, и она признала Самозванца своимъ сыномъ. Но потомъ, по избраніи на царство Вас. Шуйскаго, когда разсылали противъ Самозванца обличительныя грамоты, Марѳа увѣряла уже, что послѣдній присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, которые должны были никого не допускать къ ней и никому не позволять говорить съ нею (Собр. госуд. грам., II, 307). Правда, вмѣстѣ съ Скопинымъ были посланы за нею и другіе бояре (Паэрле, въ изд. Устрялова, I, 174); тѣмъ не менѣе самое дѣло было поручено ему, на что обращали потомъ вниманіе москвитянъ поляки (Карамзинъ, XI, 127, при-

*) Князь М. В. Скопинъ встрѣчается однако при Борисѣ въ стольникахъ. На пріемѣ персидскаго посла 4-го сент. 1504 г. онъ былъ назначенъ «смотрѣть и сказывать въ большой столъ».. (См. Разрядн. книгу въ Симбирс. сборникѣ, стр. 153).

**) Въ интересахъ сближенія, онъ женилъ Дм. Ив. Шуйскаго на сестрѣ своей жены, Екатеринѣ Григорьевнѣ Скуратовой.

***) И напротивъ, родственники и приверженцы Бориса (въ числѣ 74 семействъ) поплатились ссылкою. (Соловьевъ, VIII, 118).

мѣч. 380). Какъ племянникъ Василія Шуйскаго, который не разъ выступалъ противъ Самозванца, чуть не поплатился за свой протестъ головою и наконецъ сталъ во главѣ заговора противъ него, Скопинъ болѣе другихъ рисковалъ своимъ именемъ, выполняя тайные совѣты поручителя. Съ другой стороны, объявляя о подсылкѣ тайныхъ совѣтниковъ къ царицѣ Марѳѣ, царь Василій бросилъ тѣнь подозрѣнія на своего племянника, такъ-какъ никому до тѣхъ поръ не были извѣстны другіе совѣтники, а, напротивъ, всѣ знали, что въ Москву сопровождалъ царицу Скопинъ-Шуйскій. Между тѣмъ съ воцареніемъ Василія, послѣдній ничѣмъ не поплатился за свою услугу Самозванцу и вскорѣ достигъ даже высшихъ почестей. Эти противорѣчія непримиримы сами по себѣ; но они находятъ объясненіе въ духѣ Смутной эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, духъ противорѣчія составляетъ отличительную черту правительственныхъ актовъ того времени. И въ царствованіе Бориса, и въ царствованіе Василія Шуйскаго, правительство спѣшило дать желаемое объясненіе въ данную минуту, не заботясь о послѣдующемъ шагѣ, на который наталкивали событія. Эта фальшь проникла и въ окружающую среду: таковы всѣ заявленія и клятвы о смерти царевича и личности Самозванца (Бориса, Василія Шуйскаго, царевны Марѳы, патр. Іова и многихъ другихъ). То, что вчера выдавалось за непреложную истину, сегодня отвергалось, какъ наглый обманъ. А потерявъ разъ довѣріе къ своимъ представителямъ, общество должно было потерять и самую вѣру въ ихъ нравственную силу: въ этомъ, безъ сомнѣнія, лежитъ корень политической смуты.

Какъ бы то ни было, но возвышеніе Скопина относится къ этому времени. Въ проэктѣ новой думы, которую Димитрій Самозванецъ предполагалъ устроить по образцу польскаго сената, въ числѣ бояръ первой статьи, было отведено мѣсто и великому мечнику, кн. М. В. Скопину-Шуйскому *). Въ это время ему было всего 18 лѣтъ. Такимъ образомъ, когда вступилъ на престолъ его дядя, положеніе Скопина было уже подготовлено.

Во всѣ предъидущее время, Шуйскіе крѣпко держались другъ друга; они вмѣстѣ раздѣляли участь за смѣлый поступокъ брата противъ Самозванца *); съ восшествіемъ на престолъ Василія Шуйскаго имъ предстояло раздѣлить и его власть. Но онъ не забылъ и остальной родни. Волости, бывшія прежде за Годуновыми, Чаранда и Вага, достались теперь его племяннику М. В. Скопину и брату царя Дим. Шуйскому. Волость Вага обыкновенно доставалась лицамъ, близкимъ къ власти: при Ѳедорѣ Іоанновичѣ ею владѣлъ Борисъ Годуновъ, при Борисѣ— Григорій Годуновъ, при Шуйскомъ—Дим. Шуйскій и М. Скопинъ, потомъ она также доставалась лицамъ, успѣвшимъ воспользоваться властью, какъ Мих. Салтыковъ, Заруцкій и Трубецкой (Соловьевъ, VIII, 374; Забѣлинъ въ стат. Мининъ и Пожарскій, Рус. Арх. 1872, I, 885, примѣч.)**).

---

*) Роспись московскимъ сенаторамъ (изъ особъ духовныхъ, бояръ первой статьи, окольничихъ и нѣкоторыхъ дворянъ) писана въ іюнѣ 1605 г. рукою секретаря Димитрія Самозванца (по польски) Яна Бучинскаго; но едвали она вполнѣ была приведена въ исполненіе. Она помѣщена въ Собр. госуд. грамотъ, II, 207 210; у Бутурлина, Ист. Смут. времени, I, прилож. X; ср. Устрялова, Сказанія иностр. о Дим. Самозв.,, I, 380—381.—Карамзинъ (XI, стр. 126), Устряловъ (ibid) и Костомаровъ (Ист. Смут. врем. I. 227—228) признаютъ проектъ состоявшимся; Соловьевъ обходитъ этотъ вопросъ (VIII, 118). Едва ли не справедливѣе мнѣніе Бутурлина, что такъ какъ о такой реформѣ не говорятъ русскіе лѣтописцы и даже въ 1606 г. указы писались отъ имени бояръ, то поэтому роспись была собственно проектомъ, и если Беръ (Буссовъ) называетъ бояръ сенаторами, то вслѣдствіе подражанія полякамъ, которые такъ переводили званіе члена боярской думы. (Ист. Смут. врем. I, 152). Мнѣніе это подтверждается послужнымъ спискомъ чиновниковъ за то время (Древ. Рос. Вивліоѳ. XX, 74—83). Имя Скопина-Шуйскаго въ числѣ бояръ при Самозванцѣ не встрѣчается, а онъ возведенъ въ бояре при царѣ Шуйскомъ (въ 1607 г.) Поляки же дѣйствительно постоянно употребляютъ выраженія: сенаторы и думные бояре, какъ однозначущія и замѣняютъ одно другимъ. (См. Historica Russiae Monumenta, II, 118—119, 172.

*) Буссовъ выражается: «Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя отношенія съ попами и монахами во всемъ государствѣ, затѣяли свергнуть Димитрія съ престола» (Изд. Устрялова, стр. 52).

**) О судьбѣ Важско-Двинской области см. Этнографич. сборникъ, изд. Геогр. Общ. 5, отд. 1.

О совмѣстномъ владѣніи Вагою, Чарандою, Тотьмою и Рѣшмою—Д. Шуйскимъ и Скопинымъ упоминается въ

При царѣ Василіѣ у Скопина-Шуйскаго было счетное дѣло съ кн. Петромъ Урусовымъ. О характерѣ его мы можемъ заключать по слѣдующему случаю, бывшему въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. На пріемѣ персидскаго посла (18 сент. 1613 г.) рындами были назначены стольники: кн. Юрій Еншеевичъ Сулешевъ, Ив. Петр. Шереметевъ, кн. Юрій Дм. Хворостининъ и кн. Алексѣй Мих. Львовъ. Шереметевъ билъ челомъ на Сулешева, Львовъ на Хворостинина. Царь велѣлъ отставить всѣхъ четырехъ и замѣнить другими. Но новое назначеніе повело къ новымъ столкновеніямъ, сопровождавшимся побѣгомъ отъ безчестья, насильнымъ приводомъ и мнимою болѣзнью, которые повлекли за собою наказаніе батогами и выдачу головою. Не касаясь этихъ подробностей, не относящихся къ нашему дѣлу, замѣтимъ только, что притязанія Ив. Шереметева вызвали въ свою очередь челобитье Сулешева. Шереметевъ ссылался на то, что кн. Сулешевъ иноземецъ и меньше его изъ Шереметевыхъ никто не бывалъ. Тогда на Шереметева стали бить челомъ Васил. Ив. Бутурлинъ, Матв. Ив. Плещеевъ-Колоткинъ и кн. Ив. Ѳедоровичъ Троекуровъ. Они утверждали, что Ив. Шереметевъ просилъ не дѣломъ, что они бывали съ кн. Сулешевымъ, а честью они не хуже Шереметева, который своимъ челобитьемъ безчеститъ ихъ. Сулешевъ съ своей стороны заявлялъ, что «не только Бутурлину или Шереметеву, но хотя бы кто и лучше, а по государевой милости и моему отечеству, можно быть со мною безсловно; князя Петра Урусова царь Василій развелъ (сдѣлалъ равнымъ) съ бояриномъ кн. Мих. Вас. Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши родители въ Крыму гораздо честнѣе Урусовыхъ, а потому, государь, Ивану Шереметеву не пришлось на меня холопа твоего въ отечествѣ бить челомъ». Шереметевъ возражалъ, что «кн. П. Урусовъ и князь Юрій Сулешевъ роды крымскіе въ московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, а кто кого больше или меньше, то въ его государевой воли, хочетъ онъ государь иноземцевъ учинить у себя честна и велика, онъ государь учинитъ, а до сихъ поръ съ кн. Юріемъ никто въ его версту не бывалъ». Выслушавъ эти челобитья, царь указалъ объявить Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешевымъ «по его иноземству». Въ другомъ спискѣ этой сказки даже выражено рѣшительнѣе: «князю Юрію Еншину больше быть Ивана Шереметева и въ разрядѣ велѣлъ государь то записать» (Дворц. разряды, I, 109—113).

Такимъ образомъ дѣло Урусова съ Скопинымъ-Шуйскимъ служило примѣромъ въ рѣшеніи этого дѣла съ тою разницею, что въ немъ значеніе Скопина возобладало подъ «иноземствомъ» его противника.

На 21 году, Скопинъ женился, съ согласія царя, на Александрѣ Васильевнѣ Головиной *); но онъ не прожилъ съ нею и трехъ мѣсяцевъ, какъ долженъ былъ отправиться для заключенія союза съ Карломъ IX шведскимъ на защиту Россіи (Сказаніе о Скопинѣ въ изборн. Попова, 381). Это было въ 1608 году. Тогдашнія мѣстническія права и родство съ царемъ были уже достаточнымъ основаніемъ, чтобы доставить Скопину видное мѣсто въ служебной іерархіи. Но въ его пользу было также самое время—смутная эпоха въ московскомъ государствѣ. Извѣстно, какъ выростаютъ событія, среди общей опасности, въ глазахъ современниковъ и какъ нерѣдко первая удача среди длиннаго ряда неудачъ становится фортуною человѣка, если онъ успѣлъ выдвинуться впередъ

письмѣ Мих. Салтыкова къ Сапѣгѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ хорошее время онѣ давали доходу 9000 р. («когда были кабаки и тамги»), а въ Смутное время едва 3000 р. Но такъ говоритъ Салтыковъ въ свое оправданіе. Другіе тогда же насчитывали доходъ, не считая хлѣбныхъ запасовъ, въ 6000 руб. (Ак. Истор. I,364). По Флетчеру, Вага приносила Борису Годунову 32000 р. а по Горсею 35000 р. ежегоднаго дохода.

*) Отецъ Анастасіи Васильевны, Василій Петровичъ Головинъ, былъ казначеемъ при Димитріѣ Самозванцѣ и царѣ Шуйскомъ, въ званіи окольничаго, а въ 1609 г. возведенъ въ санъ боярина. (Послужной списокъ въ Древ. Рос. Вивл. XX, 76, 80, 83). Въ памятной запискѣ, веденной неизвѣстнымъ полякомъ въ Москвѣ, онъ отмѣченъ въ числѣ «пріятелей» Шуйскаго. (Памят. XVII вѣка, изд. Мухановымъ, 263—64). Умеръ 12 янв. 1612 г., принявъ монашество (Долгоруковъ, 106).

въ тяжелое время всеобщихъ ожиданій и внезапно слѣдующихъ за ними разочарованій. Такъ было въ настоящемъ случаѣ и съ Скопинымъ; въ первомъ же дѣлѣ, между тѣмъ какъ главные воеводы потерпѣли неудачу, юный Скопинъ вышелъ съ успѣхомъ изъ него, а затѣмъ онъ не терпѣлъ по крайней мѣрѣ такихъ неудачъ, которыя заставляютъ забыть о предшествовавшемъ успѣхѣ.

Выкрикнутый на царство, Василій Шуйскій достигъ давно желанной цѣли, къ которой онъ стремился посредствомъ происковъ и интриги *); но положеніе его еще болѣе, чѣмъ Бориса Годунова, не могло быть прочно**). Новый царь на первыхъ же порахъ встрѣтилъ крамолу вокругъ себя и открытыхъ враговъ въ центрѣ самаго государства, выступившихъ подъ знаменемъ новаго самозванца. Уже болѣе двадцати городовъ отпали отъ правительства; на Волгѣ и въ сѣверской Украйнѣ поднялись крестьяне и холопи, нашедшіе поддержку въ инородцахъ. Во главѣ этого движенія сталъ Болотниковъ, бывшій самъ нѣкогда холопомъ, а потомъ галернымъ невольникомъ въ Турціи. Понятно, какой ужасъ долженъ былъ нагнать на населеніе такой вождь возстанія; а всѣмъ, готовымъ содѣйствовать ему, были обѣщаны воля и богатство. Такимъ образомъ, искателей счастья нашлось довольно и уже первые шаги ихъ на этомъ поприщѣ ознаменовались насиліемъ и разореніемъ, жертвою которыхъ сдѣлались ихъ господа и воеводы. Но Болотниковъ нашелъ себѣ еще поддержку въ такихъ рѣшительныхъ вождяхъ движенія, какъ Иванъ Пашковъ, поднявшій Тулу, какъ Ляпуновы и Григ. Сунбуловъ, поднявшіе рязанское населеніе. Борьба противъ бояръ была главною цѣлью этихъ лицъ, не имѣвшихъ, по своему происхожденію, права на первенствующее положеніе. Осенью 1606 г., Болотниковъ, въ союзѣ съ ними, уже занялъ и опустошилъ Коломну. Но на рѣкѣ Пахрѣ отрядъ московскихъ войскъ, состоявшій подъ начальствомъ Скопина, одержалъ верхъ въ битвѣ съ войскомъ Болотникова, между тѣмъ какъ главная рать, находившаяся подъ начальствомъ кн. Мстиславскаго и другихъ бояръ (Дим. Шуйскаго, Воротынскаго, Голицыныхъ, Нагихъ), была разбита при Троицкомъ селѣ, въ 70 вер. отъ Москвы. Преслѣдуя побѣжденныхъ, Болотниковъ дошелъ до Москвы и расположился въ селѣ Коломенскомъ (въ октябрѣ). Такимъ образомъ, Москвѣ грозило разореніе, а Василію Шуйскому низложеніе съ престола, и только слишкомъ демагогическія стремленія Болотникова, поселившія раздоръ въ его лагерѣ и заставившія болѣе умѣренныхъ перейти на сторону правительства (тульскіе и рязанскіе отряды подъ начальствомъ Сунбулова и Ляпунова), измѣнили исходъ настоящаго пораженія. Готовилась новая битва (у деревни Котловъ, въ декабрѣ), въ которой со стороны Москвы предводительствовалъ уже кн. Скопинъ-Шуйскій. Новая измѣна въ непріятельскомъ лагерѣ (Пашкова съ дворянами и дѣтьми боярскими) передала и эту побѣду въ его руки. Послѣ этого, Болотниковъ бѣжалъ къ Серпухову. Понятно, что съ этого времени значеніе Скопина на ратномъ поприщѣ было упрочено *). Но эти успѣхи мало помогали главному дѣлу. Непринятый въ Серпуховъ, Болотниковъ сосредоточилъ свои силы подъ Калугою; но и здѣсь дѣйствія главныхъ воеводъ были неудачны (кн. Ив. Ив. Шуйскаго, Мстиславскаго и др.) Замѣчательно однако, что нѣкоторые лѣтописцы выдѣляютъ при этомъ отрядъ Скопина и Пашкова, которые мужественно отбивались отъ непріятеля и въ порядкѣ отступили съ поля битвы (Латухин. Степен. книга, у Карамзина, XII, примѣч. 124).

---

*) Самый престолъ достался ему также какъ и Борису: «отъ того же бояріна кн. Василья многіе друзи и совѣтницы посланы въ народъ, и заповѣдано имъ бысть, да изберутъ на царство его кн. Василья. Тѣже люди наустѣша народы... и на томъ утвердиша слово». (Хроногр. Кубасова. Изборн. Попова, 294).

**) Интересно слѣдующее замѣчаніе лѣтописца: «И сѣде царствовати кн. В. Шуйскій безъ избранія земскаго, того ради многимъ бысть не возлюбленъ» (Полн. собр. рус. лѣт. IV, 321).

*) Карамзинъ (XII, 25) къ этой побѣдѣ относитъ пожалованіе Скопина въ бояре, основываясь на послужномъ спискѣ, напеч. въ Древн. Рос. Вивл. т. XX. Но тамъ только сказано, что пожаловано боярство Скопину въ 1607 году. (стр. 81).

Ни средства религіозныя (какъ разрѣшительная грамота патріарховъ, въ которой Іовъ, согласно съ желаніемъ царя, заявлялъ уже о погибели царевича Димитрія отъ рукъ измѣнниковъ, не смотря на то, что оба они свидѣтельствовали совсѣмъ другое при Борисѣ), ни насильственныя средства (какъ подсылка яда Болотникову) не могли совершить нравственнаго переворота въ пользу правительства и только компрометировали его. Измѣна продолжала колебать общество. Взятіе Тулы, подъ предводительствомъ самого царя, должно было убѣдить, что только превосходство силъ (какъ 100,000 войско) и помощь искусства (затопленіе города) могли вырвать мятежъ съ корнемъ и предать въ руки правительства коноводовъ смуты (Болотникова, Шаховскаго, Лжепетра и Телятевскаго); *) но Шуйскій рано думалъ воспользоваться результатами успѣха. Вскорѣ послѣ этого, онъ возратился въ Москву и распустилъ войско по домамъ, которое, согласно съ тогдашнимъ устройствомъ военной части, нуждалась въ томъ въ виду наступленія зимы. Между тѣмъ Лжедимитрій, при всемъ своемъ критическимъ положеніи, успѣлъ утвердиться въ Орлѣ, куда снова стали стекаться къ нему отряды изъ Польши и окрестностей. Въ то же время въ степи появились новые самозванцы, выдававшіе себя за сыновей Ивана Грознаго и Ѳедора Ивановича. Самозванство, не смотря на свои пораженія, находило постоянно свѣжія силы въ соціальномъ движеніи. Стоило самозванцу объявить крестьянамъ, чтобы тѣ изъ нихъ, господа которыхъ находятся на службѣ у Шуйскаго, брали себѣ помѣстья и вотчины ихъ, и женились на ихъ дочеряхъ—и охотниковъ служить у него являлось много. Такимъ образомъ, многіе изъ нихъ въ это время сдѣлались господами, по свидѣтельству современника (Соловьевъ, VIII, 195).

Въ такое-то время царь задумалъ отпразновать свою свадьбу (17 янв. 1608 г.) съ княж. Маріей Петровной Буйносовой-Ростовской, а за тѣмъ и свадьбу своего племянника — Скопина. Между тѣмъ царское войско, подъ начальствомъ нелюбимаго имъ Димитрія Шуйскаго и кн. Василія Голицына, знаменитаго своими интригами и измѣнами, потерпѣло отъ Самозванца и гетм. Рожинскаго пораженіе подъ Болховомъ, (10 и 11 мая), очистившее Самозванцу путь къ Москвѣ. Повидимому исчезло и прежнее довѣріе къ успѣху Скопина. Въ войскѣ, назначенномъ подъ начальствомъ его и Ив. Ник. Романова дѣйствовать противъ Самозванца подъ Москвою (на р. Незнани) открылась измѣна и оно было возвращено, а изъ виновниковъ ея одни поплатились ссылкою (кн. Ив. Катыревъ, Юр. Трубецкой, Ив. Троекуровъ), другихъ казнили (Лѣт. о мятеж. 130). Дальнѣйшія дѣйствія подъ начальствомъ уже самого царя, ни къ чему не привели: Самозванецъ спокойно утвердился въ Тушинѣ. Ни къ чему не привелъ и договоръ (25 іюля 1608 г.), заключенный между царемъ и польскимъ правительствомъ, обезпечивавшій границы обоихъ государствъ, и выводъ поляковъ изъ Россіи, такъ какъ послѣдніе теперь вполнѣ разсчитывали на успѣхъ. То была пора страшнаго политическаго разложенія въ Московскомъ государствѣ: за обѣдами и пирами родственники условливались между собою, кому служить царю, а кому царику, и разъѣзжались, чтобы имѣть, въ случаѣ торжества одного изъ нихъ, защиту и тамъ, и здѣсь; они переѣзжали изъ одного лагеря въ другой и слыли подъ именемъ перелетовъ. Получивъ жалованье въ Москвѣ, они снова требовали его въ Тушинѣ; ихъ терпѣли, хотя поляки и казаки имъ не вѣрили. Дворяне и купцы за деньги доставляли въ Тушино все необходимое, а кто доносилъ на нихъ царю — слылъ наушникомъ. Вельможи, окружавшіе царя, отличались двоедушіемъ: служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ, —говоритъ современникъ. Измѣна въ клятвѣ и словѣ повторялась на каждомъ шагу (Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, Палицына, глава VI).

Конечно, при такомъ настроеніи общества ожидать благопріятнаго оборота для Шуйскаго было трудно—и онъ долженъ былъ обратиться къ посторонней помощи. Уже не разъ предлагалъ

*) Только 10 окт. 1607 г. Тула сдалась. Въ дѣйствіяхъ подъ нею участвовалъ и Скопинъ Шуйскій. (Карамзинъ, XII, 34).

ему свое содѣйствіе Карлъ IX, лично враждебный Польшѣ; но московское правительство не только не выражало своего согласія на это, но оскорблялось подобнымъ предложеніямъ, заявляя, что въ его государствѣ «смуты нѣтъ никакой», а мутятъ только воры и разбойники, которыхъ уже побили. Если же случится вражда съ какимъ нибудь недругомъ, то «у царскаго величества есть несчетныя русскія и татарскія рати и просить помощи государь не станетъ ни у кого, «кромѣ Бога». (Дѣла шведскія, у Соловьева, VIII. 220—223). Теперь Шуйскій рѣшился послать въ Новгородъ Скопина, для заключенія союза съ Швеціей. Въ тоже время онъ извѣщалъ императора и королей англійскаго и датскаго о вѣроломствѣ Сигизмунда и просилъ у нихъ защиты (Палицынъ, 67). Уѣзжая въ Новгородъ, Скопинъ взялъ съ собою шурина своего окольничаго Сем. Вас. Головина. Но въ то время, какъ они условливались съ новымъ союзникомъ, шла уже упорная осада Троицкой лавры поляками (Сапѣга и Лисовскій).

Не легкое дѣло предстояло Скопину на сѣверѣ. Если Шуйскій могъ разсчитывать на помощь новгородцевъ, въ силу ихъ исторической связи съ фамиліей Шуйскихъ (со временъ Грознаго) и нерасположенія къ Самозванцу (его плѣнныхъ въ Новгородѣ топили въ Волховѣ), то во Псковѣ и его пригородахъ было совершенно противоположное настроеніе. Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Шуйскій просилъ во Псковѣ денегъ и ему послали 900 р.; но «большіе» люди и богатые гости нашли въ этомъ случаѣ поводъ погубить своихъ противниковъ — меньшихъ людей, написавъ въ Москву, что меньшіе враждебны царю, а посланные съ деньгами главные измѣнники. Послѣднихъ посадили въ тюрьму и только псковскіе стрѣльцы, находившіеся въ Москвѣ, освободили ихъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Это обстоятельство сильно возмутило народъ во Псковѣ, откуда враждебное настроеніе распространилось и на пригороды. Притомъ московскій воевода во Псковѣ (Петръ. Шереметевъ) и дьякъ его (Грамотинъ) присвоили себѣ дворцовыя помѣстья и притѣсняли жителей, настроивъ крѣпкихъ тюремъ, какихъ прежде не бывало. А между тѣмъ изъ Новгорода пришло приглашеніе соединиться съ нимъ и нѣмцами, которые вскорѣ придутъ на помощь противъ поляковъ и Самозванца. Вѣковая борьба Пскова съ нѣмцами и старинное соперничество съ Новгородомъ высказались въ отказѣ содѣйствовать общему дѣлу; а 2 сент. 1608 г., Псковъ отворилъ уже ворота тушинскому воеводѣ, Ѳед. Плещееву, выпустивъ болѣе 400 чел., содержавшихся въ тюрьмѣ и снарядивъ снарядъ подъ Москву. Враждебное движеніе распространилось и далѣе: Ивангородъ присягнулъ Самозванцу, а въ Орѣшкѣ не впустили даже Скопина, когда тотъ хотѣлъ занять городъ. (Полн. собр. рус. лѣт. IV, Псков. 1-я лѣт. 322—26; Лѣт. о мятеж. 144). Во Псковѣ «большіе» люди вступили въ сношенія съ Новгородомъ, за что ихъ подвергали жестокимъ пыткамъ и казнямъ (Псков. лѣт. 326). За то, въ свою очередь, демократическое движеніе изъ Пскова сообщилось Новгороду, гдѣ чернь уже готовила измѣну Скопину, который, по совѣту начальствовавшаго въ Новгородѣ, Мих. Игн. Татищева (другимъ былъ кн. Андр. Куракинъ) вышелъ оттуда и, не будучи впущенъ въ Орѣшекъ, находился въ самомъ критическомъ положеніи, такъ какъ, не смотря на завязавшіеся переговоры съ нѣмцами, Скопинъ не могъ разсчитывать пока на ихъ помощь. (Лѣт. о мятежахъ, 144, 147). Имѣя въ виду это, понятно, почему Скопинъ старался скрывать передъ шведскимъ правительствомъ настоящее положеніе Россіи, указывая только на частную смуту въ ней, поддерживаемую не болѣе какъ 10,000 измѣнниковъ и 6,000 поляковъ, и убѣждая шведскаго короля подать помощь, такъ какъ успѣхъ Самозванца побудитъ поляковъ обратить свои силы на Швецію, въ интересахъ распространенія католицизма, о чемъ хлопочутъ уже іезуиты и папа (Видекиндъ, 46, 63. Hist. belli sulso-moskov. decennal. MDCLXXII).

Вскорѣ однако обстоятельства измѣнились и дѣла Скопина получили иной оборотъ. Митрополиту Исидору удалось убѣдить новгородцевъ возвратить Скопина, за которымъ они послали даже почетную депутацію. Скопинъ возвратился

въ городъ и заключилъ съ королевскимъ секретаремъ Мартензономъ условіе, что Швеція выставитъ 5,000-ный вспомогательный отрядъ за 100,000 еф. *) въ мѣсяцъ, окончательное утвержденіе котораго должно было состояться на съѣздѣ въ Выборгѣ (Лѣт. о мятеж. 145; Дѣла швед. у Соловьева, VIII, 227). Положеніе вещей было однако таково (въ особенности если принять во вниманіе тѣ казни и интриги, которыя происходили въ самыхъ стѣнахъ Троицкаго монастыря), что даже когда Скопинъ сообщилъ въ Москву о своемъ первомъ успѣхѣ на сѣверѣ, то тамъ этому не повѣрили (Лѣт. о мятеж. 145, 147). Обстоятельство это касается нападенія на Новгородъ отряда запорожцевъ, высланнаго изъ Тушина подъ начальствомъ Кернозицкаго. Мы должны коснуться нѣсколько подробнѣе этого дѣла, такъ какъ въ немъ окончательно обрисовываются отношенія Скопина и Татищева.

Узнавъ о высылкѣ изъ Тушина отряда Кернозицкаго, Скопинъ хотѣлъ не допустить его къ Новгороду и распорядился выслать противъ него отрядъ въ Бронницы. Начальникомъ его вызвался быть Татищевъ. Но когда все уже было готово къ выступленію, новгородцы донесли Скопину, что Татищевъ собирается измѣнить правительству и сдать Новгородъ Кернозицкому. Тогда Скопинъ, собравъ ратныхъ людей, объявилъ имъ объ этомъ въ присутствіи Татищева; а они, въ порывѣ негодованія, немедленно умертвили послѣдняго. Поэтому передовой отрядъ не былъ высланъ противъ Кернозицкаго. Многіе изъ дворянъ перешли къ послѣднему, что поставило Скопина въ весьма затруднительное положеніе, и только отрядъ, собравшійся въ окрестностяхъ Новгорода и слухъ о сборѣ большаго войска подъ Грузиномъ заставили Кернозицкаго поспѣшно удалиться отъ Новгорода. Это весьма обрадовало Скопина, митрополита и новгордцевъ (Лѣтоп. о мятеж. 146—147). Татищевъ, по распоряженію Скопина, былъ похороненъ въ Антоніевомъ монастырѣ. Карамзинъ, называя Татищева «лукавымъ царедворцемъ» объясняетъ исходъ самаго дѣла неопытностью Скопина, не съумѣвшаго удержать страсти противъ человѣка «едва-ли виновнаго» (XII, 90). С. М. Соловьевъ видитъ въ обвиненіи Татищева доносъ, которымъ думали только заподозрѣть его и удалить (VII, 269). Н. И. Костомаровъ объясняетъ подозрительностью того времени и нелюбовью къ Татищеву въ Новгородѣ, но не входитъ въ разборъ самыхъ мотивовъ (Ист. Смутн. врем. II, 172). Въ своихъ-же характеристикахъ лицъ Смутной эпохи, онъ замѣчаетъ: «Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина представляется чѣмъ-то страннымъ, набрасываетъ какъ-бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но, по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, все таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка». И, судя по прежнимъ дѣйствіямъ Татищева, г. Костомаровъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ исключенія, -то есть измѣны (Вѣст. Евр. 1871, іюнь, 501). Постараемся объяснить это дѣло.

Татищевъ, извѣстный при Борисѣ Годуновѣ по дипломатическимъ порученіямъ (въ Литву, Грузію, для пріема швед. принца Густава. Карамзинъ, XI, 20, 38—42, прим. 47) и пожалованный имъ въ думные дворяне (Послуж. списокъ въ Древ. Рос. Вивл. XX, 70), успѣлъ удержаться въ этомъ званіи и при Димитріѣ Самозванцѣ (ib. 75) и даже былъ нѣкоторое время его любимцемъ (Маржеретъ, 300). Но онъ былъ поклонникъ старины и потому немогъ вынести нарушенія московскихъ обычаевъ при Самозванцѣ; въ спорѣ съ нимъ о жареной телятинѣ, Татищевъ поддерживалъ князя Василія Шуйскаго, за что ему грозила ссылка въ Вятку, но онъ былъ прощенъ, благодаря заступничеству Басманова (ib. 300—301; Сказ. еже содѣяся. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, №9, стр. 20) *). Впрочемъ, онъ «отличался злымъ сердцемъ, не забывавшимъ обиды» (Марж. 301.) Онъ вошелъ въ близкія отношенія къ Василію Шуйскому и вмѣстѣ съ нимъ руководилъ возстаніемъ противъ Самозванца (ib. 303 и Дневн.

*) 140,000 руб. сер.

*) Въ означенномъ сказаніи Татищевъ называется «добрымъ православія поборникомъ» 20.

Марины въ изд. Устрялова, 168. Hist. Rus. Monum. II, 118). Любимецъ послѣдняго, Басмановъ, не смотря на оказанную недавно услугу Татищеву, палъ подъ ударомъ его ножа (Буссовъ, 60, Марж. 303). Въ переговорахъ съ поляками, веденіе которыхъ ему были поручено при Самозванцѣ и Шуйскомъ, онъ отличался дерзкими рѣчами (Historica Russiae Monumenta, II, Dyaryusz dziejow Moskiewskiohi legacyi Poslow etc. 127—130, 133—135). Заговоръ противъ Самозванца сблизилъ Татищева съ Шуйскимъ: послѣдній поручилъ ему вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Димитріемъ Шуйскимъ, перенесеніе мощей Димитрія Углицкаго (Маржер. 304), а затѣмъ мы встрѣчаемъ Татищева воеводою въ Новгородѣ (Карамз. XII, 89), важнымъ теперь еще по своему пограничному положенію. И такъ, что могло быть причиною неудовольствія противъ человѣка, отличающагося такими крайними проявленіями патріотическаго чувства и можетъ-ли онъ быть заподозрѣнъ въ настоящемъ случаѣ въ измѣнѣ?

Татищевъ былъ человѣкъ книжный и религіозный до фанатизма, достойнаго впрочемъ лучшаго дѣла *), преданный своимъ убѣжденіямъ. Но ни патріотизмъ, ни религіозность не спасли его отъ того насильственнаго способа дѣйствій, которымъ отличалась тогдашняя русская администрація, особенно въ областяхъ. У людей, подобныхъ Татищеву, эти крайности часто примиряются очень удобно и даже закрываютъ тѣ недостатки, которые у другихъ прямо бросаются въ глаза. Однако сохранилась опись его имущества, занимающая 40 печатныхъ страницъ, начало которой притомъ утрачено. Изъ нея видно, что Татищевъ былъ человѣкъ зажиточный: въ ней перечислены богатыя одежды, золотныя, шитыя жемчугомъ, часто шелковыя или бархатныя, на мѣхахъ; мѣха, бѣлье и полотно; оружіе и сбруя, выложенныя серебромъ и золоченыя; много хорошихъ верховыхъ лошадей, большой табунъ простыхъ лошадей; серебряная и вызолоченая утварь, разная посуда; собраніе драгоцѣнныхъ камней и ожерельевъ; запасы яствъ и питья, впрочемъ незначительные (Времен. Моск. общ. ист. VIII, смѣсь, 1—40). Изъ показаній людей Татищева видно, что «мало запасовъ осталось потому, что вновь ихъ изъ помѣстій не бывало; такъ какъ помѣстья Татищева были всѣ з а в о р а м и, а въ Новгородѣ запасовъ себѣ не запасалъ, потому что службы себѣ никуда неожидалъ» (ib. 21). Въ числѣ имущества была найдена также «заемная память», выданная митр. Исидору на сто рублей, подъ залогъ платья (32—33), свидѣтельствующая, что Татищевъ иногда нуждался въ деньгахъ. Но не всегда онъ прибѣгалъ къ такому мирному средству. Въ той-же описи читаемъ: «Саадакъ кованъ серебромъ, съ черныо, лукъ писанъ золотомъ, и взялъ саадакъ Матьяшъ Доморацкій, билъ челомъ кн. Михаилу Васильевичу (Скопину) и сказалъ, что тотъ саадакъ взяли у него новгородцы съ двора грабежемъ съ рухлядью его сына, въ ту пору какъ приходили грабить ихъ дворы» (ib. 9). «Столъ писанъ красками; по приказу боярина и воеводы кн. Скопина Шуйскаго отданъ тотъ столъ по челобитью подъячему Медвѣдеву безъ денегъ; сказалъ: взялъ тотъ столъ у него Татищевъ на подержанье, да не отдалъ». Имѣя большой запасъ лошадей, онъ взялъ коураго мерина у митрополита и денегъ также не заплатилъ. У Григорія Шорина онъ взялъ посмотрѣть 3 пары самопаловъ—и не возвратилъ (25 и 10). Служилымъ людямъ была назначена теперь часть его имущества, въ вознагражденіе за не выдачу имъ ржи во время осады (ib. 16). Эти отдѣльные факты показываютъ, что Татищевъ позволялъ себѣ въ Новгородѣ такіяже дѣйствія, какъ другія воеводы въ Псковѣ. Отсюда можетъ быть объяснено и неудовольствіе противъ него въ Новгородѣ. Вотъ почему онъ присовѣтовалъ Скопину выйти изъ Новгорода во время обнаружившагося тамъ движенія и самъ удалился изъ города вмѣстѣ съ нимъ *). Вслѣдствіе этого, главнымъ дѣятелемъ въ усмиреніи вол-

*) Въ описи его имущества мы встрѣчаемъ слѣдующія книги: Шестодневъ, Псалтирь, Трефолой, Космографію. Въ ней-же значатся 65 образовъ и 2 пары четокъ. (Врем. Моск. общ. ист. VIII, 34).

*) Въ «Лѣтописи о мятежахъ» объ этомъ говорится

нения въ Новгородѣ оказался митроп. Исидоръ; а между тѣмъ усмирить мятежъ было такъ легко (Лѣт. о мятеж. 145; Нов. лѣт. 99). Есть основаніе даже полагать, что одною изъ причинъ его былъ самъ Татищевъ. Дѣйствительно, какъ только возвратился въ Новгородъ Скопинъ, неудовольствіе противъ Татищева снова повторилось. Мы знаемъ уже, какъ счастливо вышелъ Скопинъ изъ дѣла съ Кернозицкимъ; но подобный исходъ трудно было предполагать. Вотъ почему мы считаемъ вѣроятнымъ, что Татищевъ, видя передачу Пскова, Иванъ-города и Орѣшка на сторону Самозванца, успѣхъ Кернозицкаго на пути къ Новгороду (онъ занялъ Торжокъ и Тверь), занятіе еще до того его помѣстій тушинцами, нерасположеніе къ нему въ Новгородѣ,—рѣшился и самъ передаться на сторону Самозванца *). Такъ поступали многіе тогда; такъ было и на глазахъ Татищева: во Псковѣ, въ Орѣшкѣ (гдѣ передался М. Салтыковъ) **). Дѣйствіямъ Скопина въ Москвѣ пока не давали «никакой вѣры, многаго ради междоусобія и великой нужды» (Нов. лѣт. 99); власть Шуйскаго висѣла почти на волоскѣ; а между тѣмъ переходъ изъ одного лагеря въ другой былъ такъ легокъ. Правда, Скопинъ отдалъ послѣдній долгъ Татищеву, похоронивъ его въ Антоніевскомъ монастырѣ; но негодованіе противъ Татищева было такъ сильно, что онъ не могъ даже изслѣдовать дѣла, да какъ видно онъ и не имѣлъ этого въ виду: онъ только сообщилъ его поступокъ *). Замѣчательно, что о существованіи замысла Татищева сообщили Скопину «многіе новгородцы» (Нов. лѣт. 99) и они же являются на первомъ планѣ въ рѣшеніи участи виновнаго. Съ другой стороны заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Скопинъ, послѣ удовлетворенія гнѣва толпы, не послалъ уже отряда противъ Кернозицкаго, какъ видно опасаясь измѣны, а когда Кернозицкій подошелъ къ Хутынскому монастырю и сталъ опустошать новгородскій уѣздъ, то «многіе дворяне измѣнили и отъѣхали въ литовскіе полки «(ib.), слѣдовательно заговоръ дѣйствительно существовалъ. Новгородъ былъ освобожденъ не собственными силами, а стараніемъ «уѣздныхъ людей».

Но опись имущества Татищева обрисовываетъ намъ и другую сторону Татищевской исторіи. Скопинъ распорядился о продажѣ имущества съ публичнаго торга безъ указа изъ Москвы, причемъ даже родственники Татищева, оказавшіеся въ то время въ Новгородѣ, не получили ничего кромѣ своихъ вещей (Временникъ, VIII, 3, II, 12, 15, 30). Отсюда можно заключать, что продажа имущества была сдѣлана съ цѣлью уплаты долговъ и удовлетворенія претензій, заявленныхъ на Татищева въ Новгородѣ, а съ другой стороны она подтверждаетъ фактъ са-

---

такъ: «князь Михайло жъ совѣтовавъ съ Михайломъ Татищевымъ, да изъ дьяковъ съ Ефимомъ Телепневымъ, и, побоясь отъ новгородцевъ измѣны, пойдеша изъ Новогорода тайно къ Ивану-городу не съ великими людьми». 144. Въ томъ-же видѣ передается и въ редакціи этой лѣтописи, помѣщенной въ Никон. лѣт. VIII, 107.

Въ «Новомъ лѣтописцѣ» который считаютъ первоначальною редакціею обоихъ предъидущихъ списковъ, выражено: «и побѣже (Скопинъ) изъ вел. Новогорода тайно къ Ивану-граду, взяжъ съ собою Михаила Татищева, да дьяка Ефима Телепнева и иныхъ дворянъ, которые съ нимъ посланы съ Москвы». (Времен. Моск. общ. ист. XVII, 98) Видно, что Скопинъ взялъ Татищева съ собою, какъ и дворянъ московскихъ, боясь неудовольствія противъ нихъ, а при этомъ совѣтъ Татищева выйти изъ города получаетъ опредѣленный смыслъ.

*) Въ Новомъ Лѣт. сказано прямо, что Скопину сообщили, «что Михайло Тат. просится у него не для послуги, но хощетъ измѣнити и Новгородъ сдати». 99. Въ «Лѣт. Мятеж..» объ этимъ читаемъ: «что идетъ для того, что хощетъ ц. Василію измѣнить и Новъ городъ сдать» 146.

**) Объ общемъ отпаденіи новгородскихъ пятинъ въ концѣ 1608 г. свидѣтельствуетъ отписка Вербышева къ Вычегодцамъ о вѣстяхъ про кн. Мих. Васильевича. (Акты Экспед. II, № 99,)

*) Въ Нов. лѣт: «Кн. Мих. Вас. собравъ всѣхъ ратныхъ людей, извѣсти имъ Михайлово умышленіе, еже слыша; Новгородцы же вси возопили на Михаила и, нераспрося его, убиша вси міромъ и погребенъ въ монаст. Антоніевѣ» (99). Въ Лѣт. о мятежахъ: «Кн. Мих. Вас., слышавъ такое дѣло, собра всѣхъ ратныхъ людей и возвѣсти имъ про Михайла. Они же вси возопиша и не разпросивъ убиша его міромъ. Князь Михайло повелѣ его погрести въ Ант. монастырѣ» (146). Попытки со стороны Скопина разсудить самое дѣло не видно; о погребеніи же Татищева по его повелѣнію является въ позднѣйшемъ спискѣ.

мой измѣны, такъ какъ часть имущества Татищева пошла на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Изъ этого источника Скопинъ угощалъ и дарилъ шведовъ. Шуринъ Скопина, Головинъ, получилъ на съѣздъ съ шведами лучшее платье, оружіе, сбрую, посуду (1—311, 36). Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, начальствовавшій въ Новгородѣ вмѣстѣ съ Татищевымъ, значится въ числѣ покупщиковъ, но онъ не уплатилъ всѣхъ денегъ (15, 27—32). Для себя Скопинъ взялъ безденежно нѣсколько штукъ холста и сукна на шатры, скатерти, 500 копенъ сѣна, а съ дороги прислалъ за серебряными кубками и персидскою саблею въ 50 руб., которые оставилъ у себя (4. 7, 8, 24, 21, 33, 40). Біографъ Скопина говоритъ, что послѣдній ѣхалъ въ Новгородъ «на четырехъ подъяремныхъ мщатехъ» (Изборн. Попова, 389) *) Изъ Новгорода онъ велъ съ собою сѣраго грузинскаго жеребца въ 66 р., бураго жеребца въ 70 р. и сѣраго литовскаго мерина въ 18 руб. (Опись имущ. Тат. 40), а также везъ подлинныя книги и списки вещей Татищева.

Такъ закончилась новгородская драма—прелюдія драмы самаго Скопина Шуйскаго.

*) Мща—молодой мескъ, осленокъ.

В. Иконниковъ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

II.

Еще въ декабрѣ 1608 г., Скопинъ увѣдомлялъ сѣверные города о скорой помощи изъ Швеціи и своихъ первыхъ успѣхахъ подъ Новгородомъ. (Собр. Госуд. грам. и догов. II, 343). Безъ сомнѣнія и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ также, какъ и въ отношеніи шведскаго правительства, выставляя положеніе своихъ дѣлъ въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ это было въ дѣйствительности *). Въ этомъ былъ прямой его разсчетъ.

Только въ концѣ 1609 г. Головину и дьяку Сыдавному Зиновьеву удалось заключить договоръ съ шведскимъ правительствомъ. На основаніи его, Шуйскій отказывался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію и уступалъ Корельскій уѣздъ Швеціи; обѣ стороны обязались не заключать отдѣльнаго мира и быть общими врагами противъ Польши. Шведы, воюя въ Россіи, должны были щадить русскіе города и даже плѣнныхъ русскаго происхожденія. Карлъ IX обязался выставить на помощь Шуйскому 2,000 конницы, 3,000 пѣхоты и неопредѣленное число волонтеровъ (Акты истор. II, №№ 158, 159, 160, 189, 196). Но еще позже исполнились заявленія Скопина о скоромъ выступленіи изъ Новгорода: только 14 апрѣля 1609 г. шведская рать прибыла къ Новгороду. Она состояла изъ 12,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Якова Понтуса Делагарди и генераловъ: Аксель Курка, Андрея Бойе, Еверта Горна и Христіерна Зоме. (Сумъ, въ Акт. истор. II, 227 и Крестенъ Шуръ, въ Акт. Экспед. II, 226). 25 апрѣля прибыло вновь 3,643 чел. конницы; по Скопинъ надѣялся еще на прибытіе 2,000 чел. Это былъ самый пестрый контингентъ, состоящій изъ шведовъ, шотландцевъ, датчанъ, англичанъ, нѣмцевъ и французовъ. Такъ доносилъ о вспомогательномъ войскѣ царю Шуйскому самъ Скопинъ въ маѣ 1609 г. (Ак. Экспед. II, 226) *). Медленность въ движеніи шведскаго войска (оно вступило въ русскіе предѣлы уже 26 марта, — Видекиндъ, 60) **) объясняется какъ тѣмъ, что по времени года, оно должно было обойти Ботническій заливъ, такъ и тѣмъ, что для шведовъ желательно было соединиться съ Скопинымъ не ранѣе

---

*) До прихода шведскихъ войскъ Скопинъ пытался взять Псковъ, но дѣйствія посланнаго имъ отряда были неудачны, и онъ отозвалъ его обратно. Лѣт. о мятеж. 158—159. Никоп. лѣт. VШ, 118. (хотя въ полѣ новгородцы одержали верхъ).

*) Время прибытія къ Новгороду шведскаго войска не всегда обозначается съ точностью (Карамзинъ, XП, 91—93; Соловьевъ. VШ, 268—271). Бутурлинъ полагаетъ, что самъ Делагарди прибылъ въ Новгородъ 14 апрѣля, размѣстивъ свое войско въ Тесовѣ (Ист.Смут. врем. II, 250—252), число котораго, согласно съ нѣкоторыми польскими и шведскими писателями, онъ признаетъ нѣсколько менѣе указаннаго. Н. И. Костомаровъ днемъ прибытія войска считаетъ 30 марта, когда имѣлъ въѣздъ въ Новгородъ самъ Делагарди (II, 248 — 251). Дѣйствительно, въ отпискѣ вологодцамъ, Скопинъ извѣщаетъ о прибытіи 30 марта 15,000 ратныхъ людей вмѣстѣ съ Делагарди, которые стояли въ Тесовѣ (Ак. Экспед. II, 219—220). Но это извѣстіе сообщено было имъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Делагарди и Головина, которые прибыли тогда въ Новгородъ съ передовымъ отрядомъ. Изъ представленнаго-же нами въ текстѣ оффиціальнаго донесенія, сдѣланнаго уже въ маѣ 1609 г., оказывается, что шведское войско прибыло только 14 апрѣля и то не сразу. Вотъ почему первая утвердительная грамота Скопина (отъ 5 апрѣля 1609 г.) выдана только на имя Якова Делагарди (Акты историч. II, 219); вторая-же (отъ 15 апр.) на имя Делагарди и прочихъ шведскихъ воеводъ (Акты историч. II, 219 и 226), только-что прибывшихъ къ мѣсту назначенія.

**) Отъ границы до Пскова ему приходилось пройти всего 380 верстъ. (Бутурлинъ, 251).

срока, назначеннаго для полученія отъ него подтвержденія договора—объ уступкѣ Корелы. Понятно, что излишнее промедленіе только усиливало необходимость во вспомогательномъ войскѣ. Одно уже появленіе шведовъ заставило Салтыкова бѣжать изъ Орѣшка въ тушинскій лагерь, вслѣдствіе чего Орѣшекъ немедленно призналъ власть Шуйскаго; между тѣмъ какъ московскіе воины, по замѣчанію шведовъ, казались болѣе годными къ сохѣ, чѣмъ къ войнѣ. На встрѣчу Делагарди Скопинъ послалъ русскій отрядъ, а при въѣздѣ въ городъ самъ вышелъ къ нему и поклонился до земли, прикоснувшись къ ней рукою. Онъ изображалъ передъ Делагарди положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ, какъ-будто одно появленіе шведовъ заставитъ сразу покориться ничтожное число русскихъ мятежниковъ и разбойниковъ. (Videk. 62—64). Тѣмъ не менѣе онъ не могъ въ Новгородѣ удовлетворить шведовъ въ самой существенной части договора—въ уплатѣ жалованья войску за первый мѣсяцъ, не будучи въ состояніи собрать и пятой части требуемаго. Теперь пригодился и съѣстной запасъ Татищева: всѣ пряныя зелья, моченые фрукты, пиво, вино, рыбный и мясной запасъ, были отданы «въ расходъ про нѣмецкихъ людей»; они пили и ѣли изъ сосудовъ Татищева (Опись имущ. 17—20). А «большому воеводѣ Пунтусову» Скопинъ подарилъ его булатный хонжаръ въ 25 р. и серебряную, золоченую узду въ 4 р. (10, 12).

Оба полководца привлекали общее вниманіе, а ихъ способности ручались за полный успѣхъ. Скопинъ произвелъ на шведовъ самое благопріятное впечатлѣніе. «Имѣя отъ роду всего 23 года, онъ отличался статнымъ видомъ, умомъ, зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостью, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться съ иностранцами» (Videk. 62) *)—такъ отзывается о немъ современный шведскій историкъ. Делагарди былъ почти ровесникъ Скопину: въ настоящее время онъ имѣлъ всего 27 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ сынъ незаконной дочери короля Іоанна, племянницы Карла IX, и французскаго выходца, реформатскаго вѣроисповѣданія, знатнаго происхожденія *). Онъ становится извѣстнымъ въ 1601 году, послѣ участія вмѣстѣ съ Гилленгіельмомъ въ защитѣ Вольмара противъ поляковъ. Пробывъ въ плѣну пять лѣтъ, онъ былъ размѣненъ, а потомъ служилъ въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ лучшаго полководца того времени, принца Морица Нассаускаго, (Далинъ. Ср. Бутурлинъ), Такой полководецъ явился сотрудникомъ Скопина **).

*) Въ Львов. лѣт. сказано: «Сильно разумѣлъ какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть».Стр. 249. Въ переводчики Делагарди швед. король далъ одного изъ тѣхъ русскихъ (по имени Димитрія), которые были посланы Борисомъ учиться заграницу. (Буссовъ (Бергъ) стр. 18).

*) Отецъ его Понтусъ Делагарди, бывшій Эстонскимъ намѣстникомъ, прославился своими завоеваніями въ Ливоніи и Эстоніи въ концѣ царств. Ивана Грознаго. Онъ участвовалъ и въ переговорахъ о мирѣ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, во время которыхъ утонулъ въ Наровѣ. (Далинъ, гл. XV. Дѣла швед. у Карамзина, X, примѣч. 90).

**) Яковъ Делагарди родился въ іюнѣ 1583 г. (Pierer's Univers. Lexic. VI, 926; Diction. génér. de biographie et d'histoire, par Dezobry et Bachelet, II, p. 1518), а не въ 1580 году, какъ сказано въ Родосл. книгѣ кн. П. Долгорукова (Ш, 91). Въ такомъ случаѣ показаніе Далина, что въ 1609—10 гг. Делагарди шелъ 27 годъ—вполнѣ вѣрно (Ист. швед. госуд. Олофа Далина, ч. Ш, т. II. 796). Отъ отца Яковъ Делагарди наслѣдовалъ титулъ барона Колькскаго и Рунзскаго (Родосл. Долгор., 90; ср. Петрея Ист. Моск. княж. 9); а въ 1615 г., за свои подвиги, онъ былъ возведенъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ въ графское достоинство (у Петрея онъ названъ графомъ Лекскимъ)—это было единственное пожалованье за все царствованіе Густава-Адольфа. Высшею похвалою военнаго таланта Делагарди служитъ то, что подъ руководствомъ его и Эверта Горна—«двухъ лучшихъ полководцевъ сѣвера»—образовался самъ Густавъ-Адольфъ (Шлоссеръ, Всеміp. исторія, XIV, 164, 173—174). Яковъ Делагарди занималъ должности: рейхсрата, государственнаго маршала, президента военной коллегіи и генералъ-губернатора Лифляндіи и Эстляндіи, а по кончинѣ Густава-Адольфа находился въ числѣ государственныхъ опекуновъ во время малолѣтства королевы Христины. Онъ былъ женатъ на Эввѣ Браге, дочери графа Магнуса Браге. Одинъ изъ сыновей ихъ, Магнусъ-Гавріилъ Делагарди, участвовалъ въ званіи шведскаго посла на Оливскомъ конгрессѣ и состоялъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ правительствующаго совѣта въ малолѣтство Карла XII и генералъ директоромъ юстиціи Шведскаго королевства. Графъ Яковъ Делагарди умеръ 12 августа 1652 г. (Долгоруковъ, Родосл. Ш, 91, Далинъ, 659 и Dezobry et Bachelet, 1518). По взятіи Новгорода, онъ вывезъ большія богатства въ Швецію, на которыя построилъ великолѣпныя

Изъ опасенія Скопинъ допустилъ въ Новгородъ только часть шведскаго войска (3,600 человѣкъ), а остальные отряды расположились въ Тесовѣ (Фриксель, ср. Бутурлина II, 253). Делагарди хотѣлъ выждать съ походомъ до прекращенія весенней распутицы, но Скопинъ спѣшилъ съ выступленіемъ. Дѣйствительно, передовой отрядъ изъ шведскихъ (Горнъ) и русскихъ войскъ (Чулковъ и Головинъ) вскорѣ выступилъ противъ Кернозицкаго, стоявшаго въ Старой Русѣ (Акты Экспед. II, 226). Его вытѣснили оттуда, а затѣмъ подъ селомъ Каменками соединенныя войска нанесли ему окончательное пораженіе (5 мая) (Videk. 68; Никон. лѣт. 118). Это значительно содѣйствовало подчиненію сѣверныхъ городовъ Москвѣ. Впрочемъ, главная рать выступила изъ Новгорода только 10 мая (грам. ц. Василія Скопину. Чтен. Моск. общ. ист. 1847. II, смѣсь, 11), причемъ Скопинъ могъ вывести съ собою едва 3,000 чел. (Videk. 89); но русскія силы постоянно увеличивались на пути, благодаря отпаденію городовъ отъ тушинскаго царика; только Псковъ по прежнему упорствовалъ *). Еще до прихода шведовъ Скопинъ завязалъ сношенія съ сѣверными городами о помощи противъ тушинцевъ и поляковъ; теперь эти взаимныя сношенія городовъ все болѣе крѣпнутъ и, благодаря успѣху союзнаго войска, содѣйствуютъ и самому объединенію Россіи **). Такимъ образомъ осажденный царь смотрѣлъ уже на Скопина, какъ на спасителя самаго престола, призывая его поспѣшить на помощь и обѣщая ему великія милости (Грам. отъ 2 іюня 1609 г.).

Мы не станемъ слѣдить за всѣми переходами и измѣненіями въ участи союзнаго войска; мы ограничимся лишь главнѣйшими чертами его дѣйствій на пути въ Москву. Но, прежде чѣмъ мы скажемъ объ этомъ, считаемъ необходимымъ сдѣлать одну существенную оговорку въ интересахъ историческаго безпристрастія. Еще въ началѣ царствованія Шуйскаго, когда обнаружилось всеобщее распаденіе областей, чтобы удержать въ повиновеніи восточную Украйну, былъ посланъ въ Астрахань бояр. Ѳед. Ив. Шереметевъ. Онъ успѣшно дѣйствовалъ тамъ противъ враждебныхъ бандъ и, прежде чѣмъ началъ свое наступательное движеніе Скопинъ, Шереметевъ успѣлъ уже объединить силы низовыхъ городовъ и прочно утвердиться въ Нижнемъ-Новгородѣ. Его успѣхъ имѣлъ громадное вліяніе на возстановленіе нравственнаго духа въ самомъ государствѣ. «Узнавъ объ этомъ, говоритъ лѣтописецъ, на Москвѣ людіе наипаче начаша крѣпитися» (Лѣт. о мятеж. 153). Уже въ началѣ 1609 г. все Поволжье (Арзамасъ, Муромъ, Владиміръ) ждало только прихода Шереметева, чтобы соединиться съ его войсками (Ак. Экспед. II, 205), и его движеніе вплоть до Владиміра было вполнѣ успѣшно (Лѣт. о мятеж. 156, 164). Вотъ почему и царь Шуйскій, и самъ Скопинъ смотрѣли на Шереметева, какъ на избавителя. Послѣдній указывалъ городамъ на необходимость держаться его; царь Шуйскій имя его ставитъ рядомъ съ именемъ Скопина (Акты Экспед. II, 182, 189, 205, 225, 235—38). Такимъ образомъ нельзя не признать, что Шереметевъ совершилъ это важное движеніе, такъ много способствовавшее объединенію городовъ, благодаря однѣмъ собственнымъ силамъ. Но только въ Александровской слободѣ (11 ноября) Шереметевъ соединился съ Скопинымъ (Ник. лѣт. 124; Латух. Степ. кн; Карамз. XII, примѣч. 429). Что-же дѣлалъ въ это время послѣдній? Дѣла его шли далеко не такъ согласно, какъ этого ждали сначала, что и можно было предвидѣть по тѣмъ недоразумѣніямъ, какія возникли еще въ Новгородѣ въ шведскомъ войскѣ. Тѣмъ не менѣе ему-то въ значительной степени обязанъ своимъ успѣхомъ самъ Скопинъ. И осажденный царь, подвергавшійся постоянно заговорамъ, указывалъ на Скопина и нѣмецкое

палаты въ Стокгольмѣ, а возлѣ него замокъ. (Ядро Рос. Ист. Манкіева, 354 и слѣд.).

Въ Ист. Смутн. времени Бутурлина (II, 250) неправильно сказано: «Яковъ Делагарди былъ незаконнорожденный сынъ дочери кор. Іоанна». Бракъ Понтуса Делагарди съ Софіею Гилленгіельмъ былъ заключенъ въ началѣ 1580 года (Далинъ, ч. III, т. I, гл. 9, § 14, примѣч.). Мать Якова Делагарди умерла въ 1585 г.

*) Тамъ дѣйствовали Зоме и кн. Мещерскій.

**) Переписка объ этомъ въ Акт. Экспед. II, гг. 1608 и 1609.

войско, какъ на послѣднюю помощь, и готовъ былъ назначить даже день своего отреченія, если она не принесетъ съ собою желаннаго результата.

Въ то время, какъ Скопинъ стремился неудержимо къ Москвѣ, шведскія войска предпочитали брать городъ за городомъ, и эта тактика иногда вполнѣ оправдывалась на дѣлѣ. Постепенно сѣверные города стали приносить повинныя. Только 6-го іюня Скопинъ соединился съ Делагарди, который одновременно съ нимъ вышелъ изъ Тесова (Videc., 71). Въ Торжкѣ къ Скопину подошло смоленское ополченіе. Видя постоянное возрастаніе силъ, тушинцы стали дѣйствовать сообща (это были отряды Керноэицкаго, Зборовскаго и Шаховскаго). Дѣйствительно, и подъ Торжкомъ, и подъ Тверью (въ іюнѣ), они долго могли удерживать за собою позицію, такъ что обѣ побѣды дались союзникамъ не легко, а на счетъ дѣйствій подъ Торжкомъ даже высказывалось сомнѣніе—кто одержалъ верхъ (Лѣт. о мятеж. 160—162; Videc., 73; Marchoc. Hist. vojny Mosk. 262; Piasecki, 262)*). Но удача, стоившая стольких усилій, послужила предлогомъ къ раздору. Выйдя изъ Твери, войско Делагарди потребовало уплаты денегъ. Делагарди грозилъ своимъ солдатамъ даже смертію, но это мало помогло. Тогда онъ и самъ сталъ требовать выполненія условій и сдачи, по договору, Корелы. Только Христіернъ Зоме соединился съ Скопинымъ и сталъ съ нимъ подъ Колязинымъ. Делагарди направился-было къ Новгороду, но вступилъ въ переговоры съ Скопинымъ, взялъ съ него 5,000 р. деньгами, на 5,000 р. соболей, и обязалъ немедленною передачею гор. Корелы, уступить который согласился Скопинъ безъ утвержденія царя, что ставили ему потомъ въ укоръ (Videk. 95, 98, Никон. 120, Карамз. XII, прим. 406)*). Послѣ этого Делагарди пошелъ къ Колязину**).

Теперь царю Шуйскому и его полководцу пришлось озаботиться о сборѣ денегъ на будущее время (Грам. въ Солов. монастырь и въ Пермь; Ак. Экспед., II, № 134—137). А между тѣмъ Скопинъ хлопоталъ объ обученіи русскаго войска. «Ежедневно Зоме обучалъ его войска по бельгійскому образцу, какъ дѣйствовать въ походѣ и въ бою, копьемъ и мечемъ, дѣлать рвы и окопы, двигать орудія и дѣлать нападенія. Скопинъ писалъ Делагарди, что безъ помощи этого полководца онъ не могъ-бы удержать въ порядкѣ и въ повиновеніи множество ратниковъ, собранныхъ изъ Ярославля, Костромы и приморскихъ городовъ» (Videk. 96). У шведовъ Скопинъ заимствовалъ устройство укрѣпленій въ видѣ башень, которыя были страшны для поляковъ, такъ какъ русскіе могли безпрепятственно дѣлать вылазки и подвигаться впередъ, избѣгая сраженія (Записки Жолкевскаго, 60). Подъ Москвою Скопинъ устроилъ потомъ даже примѣрное сраженіе съ царскими войсками (Истор. библ. изд. Археогр. ком. Днев. пох. Сиг. III, 579). Такъ воспользовался Скопинъ знакомствомъ съ шведскимъ войскомъ и присутствіемъ въ русскомъ лагерѣ такихъ полководцевъ, какъ Делагарди и его сподвижники***).

---

*) Петрей говоритъ, что Скопинъ хотѣлъ совсѣмъ отступить отъ Твери, но Делагарди убѣдилъ его дать второе сраженіе полякамъ и когда была одержана побѣда, то Скопинъ бросился на шею Делагарди и увѣрялъ его, что его дядя не забудетъ этой услуги шведовъ. (Ист. Моск. княж. 274). Подъ Тверью Делагарди получилъ три раны.

Относительно дѣйствій подъ Торжкомъ лѣтописецъ замѣчаетъ: «нѣмцы жъ пѣшіе пойдоша напередъ отыкався копіями, а коневые сташа назади ихъ» (Лѣт. о мятеж. 160). Изъ русскихъ воеводъ подъ Торжкомъ участвовали: Чоглоковъ и Головинъ; со стороны-же шведовъ Горнъ. Скопинъ и Делагарди подошли уже послѣ битвы. (Лѣт. 161 и Видекиндъ).

*) Договоры см. въ Собр. Госуд. грам. и догов. II. № 188—193.

**) Есть основаніе полагать, что причиною отказа шведовъ подъ Тверью было распоряженіе Скопина снять осаду города. «Нѣмцы же, говоритъ лѣтописецъ, хотѣша приступити ко граду. Князь Мих. Васильевичъ пожалѣ людей, и не повелѣ имъ приступити ко граду, а самъ пошелъ на Городню, а нѣмецкіе люди осердясь поворотили назадъ, и пошли къ Новгороду». (Лѣт. о мятеж. 162; Никон. 120). Не получая денегъ, наемныя войска конечно думали поживиться грабежемъ, но Скопинъ пожалѣлъ своихъ. На пути изъ подъ Твери шведскіе солдаты вознаградили себя за все; даже жены и дочери крестьянъ были въ полномъ ихъ распоряженіи. (Brereton, Newes of the present miser. of. Rus. 1614, 37; Костомаровъ, II, 265).

***) Заслуживаетъ вниманія, что еще въ 1607 г. въ Москвѣ былъ переведенъ съ нѣмецкаго и латинскаго яз. «Уставъ

Оба полководца, говоритъ Геркманъ, были способными военачальниками, и потому держали свои войска въ строгой дисциплинѣ (312).

Соединившись съ Делагарди, Скопинъ двинулся далѣе къ Александровской слободѣ *), гдѣ успѣлъ оттѣснить Сапѣгу, возвратившагося подъ Троицу. Одно уже извѣстіе объ успѣхахъ Скопина произвело въ Москвѣ магическое вліяніе. Въ то время, когда многіе въ Москвѣ снова замышляли отложиться и перейти въ Тушино, посольство съ письмомъ отъ Скопина немедленно успокоило волненіе и поддержало власть Шуйскаго (Лѣт. о митеж. 165). Въ это время уже наступило разложеніе тушинскаго лагеря. Успѣхъ Скопина, при помощи враждебнаго Польшѣ шведскаго короля, заставилъ Сигизмунда выйти изъ бездѣйствія: послѣ долгихъ настояній, онъ прибылъ наконецъ (21 сент.) подъ Смоленскъ, который становится теперь средоточнымъ пунктомъ новой, оппозиціонной власти. Въ самомъ Тушинѣ, вслѣдствіе неудачъ и соперничества (Сапѣги и Рожинскаго) произошелъ разладъ, склонившій политическіе вѣсы въ пользу короля: Лжедимитрій, Марина и тушинцы разсыпались въ разныя стороны. Это значительно облегчило и дѣло Скопина. 12 января Сапѣга снялъ осаду Троицкаго монастыря и расположился въ Дмитровѣ. Въ половинѣ февраля онъ потерпѣлъ здѣсь пораженіе, а затѣмъ вынужденъ былъ отойти къ Волоколамску. Противъ поляковъ Скопинъ успѣшно дѣйствовалъ засѣками; но въ слободѣ его силы значительно увеличились. Сюда явился Шереметевъ, а между тѣмъ подъ Москвою ему помогали дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ (кн. Пожарскаго и Лыкова). Такимъ образомъ дорога въ Москву стала открытою. Правда, союзному войску впереди предстояла еще едва-ли не болѣе трудная работа — очищеніе Смоленска, но пока главное дѣло было сдѣлано, и понятно съ какими чувствами ждали въ Москвѣ своего освободителя.

Нельзя однако не замѣтитить медленности въ движеніи союзниковъ (10 мѣсяцевъ); но она объясняется тогдашними условіями войны, когда осажденные могли долго держаться въ стѣнахъ города; постоянными стычками и осадами па пути, причемъ, какъ мы видѣли, противники не всегда легко уступали свои позиціи; несогласіями, существовавшими между союзниками, и, наконецъ, безпрестанными хлопотами о матеріальной поддержкѣ. Само собою разумѣется, что и значительное разстояніе, при тогдашнемъ состояніи дорогъ и условіяхъ продовольствія, въ особенности въ такое тяжелое время, должны имѣть мѣсто въ объясненіи этой стороны вопроса*) С. М. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ, что, «въ теченіе всего похода, Скопинъ не ознаменовалъ себя ни одною изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ поражаютъ воображеніе народа, такъ долго остаются въ его памяти» (VIII, 307). На чемъ-же основывается слава его имени? — Она основывается на обстоятельствахъ самой эпохи. Общество искало человѣка, который соединилъ-бы необходимыя силы для общей цѣли. Каковы-бы ни были условія, сопровождавшія его стремленія, но дѣло Скопина дало извѣстный, очевидный результатъ. Притомъ его имя было постоянно у всѣхъ на устахъ. Достаточно прочесть одну переписку городовъ, чтобы увидѣть, что все сосредоточивается въ ней на имени Скопина. Наконецъ, загадочная, неожиданная участь, постигшая его, вскорѣ послѣ перваго обаянія славы, сдѣлала остальное — и онъ остался незапятнаннымъ героемъ въ краткомъ эпизодѣ цѣлой драмы. Но, и скромные бытописатели, и летучія политическія извѣстія, оставили намъ свидѣтельства что и этотъ краткій эпизодъ не былъ лишенъ

дѣлъ ратныхъ», познакомившій русскихъ съ «новыми хитростями воинскими», которыя были извѣстны въ Италіи, Франціи, Австріи, Испаніи, Голландіи, Англіи и Польшѣ, съ тою цѣлью, «чтобы ратные люди могли съ успѣхомъ противиться не только силѣ силою, но и смыслу смысломъ». Въ этомъ уставѣ излагаются правила военнаго строя, осады, похода, движеній конницы и пѣхоты, ружейной и пушечной стрѣльбы. (Карамзинъ, XII, 42, примѣч. 166, 167).

*) Какъ Переяславль Залѣсскій, такъ и Александровская слобода, были заняты собственно передовыми отрядами, безъ участія главнаго войска. Подъ слободою былъ раненъ Зоме и отпущенъ въ отечество. Но сюда прибыли новыя вспомогательныя войска изъ Швеціи (3,000 чел.).

*) На это имѣются прямыя указанія (Хроногр. Кубасова въ изборн. Попова, 300; Пов. о рожденіи Скоп. ib. 382; Геркманъ и Videc).

такихъ-же бурныхъ страстей, какими богата вся эпоха.

Въ то самое время, когда совершилось распаденіе тушинскаго лагеря и борьба уже сводилась на борьбу Москвы съ королемъ, въ лагерѣ противника распространился слухъ, что между Скопинымъ и царемъ возникло несогласіе, которымъ можетъ воспользоваться Сигизмундъ IV, чтобы склонить на свою сторону Скопина *). Слухъ этотъ имѣлъ основаніе въ томъ фактѣ, что въ Александровскую слободу явились къ Скопину посланные отъ Ляпунова, который постоянно становился во главѣ всѣхъ кризисовъ смутной эпохи, и предложили Скопину престолъ. Письма, поданныя при этомъ послѣднему, были наполнены оскорбительными выраженіями противъ царя. Скопинъ, прочитавъ, разорвалъ ихъ, а посланныхъ велѣлъ схватить и отправить въ Москву. Однако, потомъ онъ далъ себя умилостивить и позволилъ имъ возвратиться въ Рязань **). Этотъ случай послужилъ сигналомъ къ неудовольствію въ Москвѣ. Видно, что въ средѣ, окружавшей Скопина, были и люди, враждебные ему, быть можетъ даже приставлен-

*) Письмо Рожинскаго къ Сиг. III. (Соловьевъ VIII, 305). И Сигизмундъ въ письмѣ отъ 2/12 марта 1610 г. увѣдомлялъ своихъ сенаторовъ, что въ Москвѣ идутъ сильные раздоры, такъ какъ между царемъ Васильемъ и Скопинымъ возникли серьезныя недоразумѣнія. (Нѣмцевичъ, Dr. Pan. Zig., прим. № X).

**) Лѣтопись характеризуетъ при этомъ и способъ дѣйствій Прокофія Ляпунова. Посланные разсказали Скопину «Прокофьево житіе и къ себѣ насиліе его». (Нов. Лѣт. 108; Лѣт. о мятеж. 166; Ник. Лѣт. VIII, 123—124).

Эта присылка имѣла видъ политической демонстраціи: такъ Ляпуновъ прислалъ цѣлую «станицу» (отрядъ); въ грамотѣ онъ назвалъ Скопина «не княземъ, но царемъ»; а описывая въ дурныхъ чертахъ самаго царя, онъ хотѣлъ «возбудить въ его племянникѣ гордость и вооружить его противъ царя Василія». (Нов. лѣт. ib.).

Прощеніе посланцевъ лѣтопись объясняетъ такъ: «Онъ же милостивый бояринъ, не хотя ихъ крови, повелѣ отпустити ихъ опять на Рязань». (Лѣт. о мятеж. и Никон. лѣт. ib.). Въ виду предстоявшаго еще подвига, Скопинъ могъ дѣйствительно не желать лишней «крови»; но въ связи съ его условіемъ въ шведскомъ договорѣ щадить рускихъ плѣнныхъ противнаго лагеря и нежеланіемъ подвергать Тверь результатамъ взятія на копье, эта черта дѣйствительно можетъ служить характеристикою «милостиваго боярина».

ные для надзора за его дѣйствіями *), которые поспѣшили донести царю о Скопинѣ, выставляя на видъ, что онъ не прислалъ виновныхъ въ Москву. Съ этого времени царь Василій и братья его начали противъ Скопина «держать мнѣніе» **) (см. Ник. лѣт.; Лѣт. о мятеж., Нов. лѣт.—Латух, степен. кн.; у Карамз. XII, 433). Но не одинъ Ляпуновъ былъ причиною «мнѣнія». Есть извѣстіе, что еще въ походѣ воины называли Скопина «царемъ», между тѣмъ какъ въ Москвѣ ненависть противъ царя Шуйскаго возрасла до крайности (янв. 1610 г.) (Днев. пох. Сигиз. III, 512, въ Истор, библ.). Братья царя завидовали успѣху своего племянника, какъ Саулъ позавидовалъ Давиду, когда онъ убилъ Голіаѳа, потому что, прибавляетъ другой лѣтописецъ, Саулу «пѣли дѣвицы побѣду въ тысячахъ, а Давиду во тьмахъ». «Мы слышали царь, говорили они, что племянникъ нашъ хочетъ быть царемъ вмѣсто тебя», а они слышали, прибавляетъ лѣтописецъ, что «въ народѣ» говорили: «этотъ князь, сильный и храбрый, достоинъ быть царемъ; онъ избавилъ насъ отъ нашествія латынъ, а городъ нашъ отъ осады и голода». Такъ говорили въ Москвѣ, когда Скопинъ стоялъ еще въ Александровской слободѣ. (Псков. 2-я лѣт. въ полн. собр. р. лѣт. V, 58.— Ср. также рукопись Филарета, 25). Помня прошлогодніе заговоры (Сунбулова, въ которомъ участвовало до 300 чел. и Колычова) и недавнее волненіе въ Москвѣ (Лѣт. о мятеж. 165; Ник. 122; Нов. лѣт. 107), грозившее отпаденіемъ къ тушинскому вору (когда Скопинъ стоялъ въ Колязинѣ), Шуйскій, и безъ того подозрительный, и безъ того трепетавшій за свой престолъ и даже жизнь, долженъ былъ поддаться теперь самымъ сильнымъ сомнѣніямъ на счетъ племянника, какъ ни увѣряетъ лѣтописецъ, что последній ничего даже не зналъ о всемъ томъ, («ничего же не вѣдущу». Псков. 58).

*) «Злые человѣцы клеветники» (Никон. и Лѣт. о мятеж.); «нѣцыи же клеветницы» (Нов. лѣт.). Изъ слѣдующихъ ниже строкъ видно, что противъ Скопина могли уже быть подозрѣнія.

**) Въ Нов. лѣт. прибавлено: «чающее въ немъ по воровскому письму Прокофья Ляпунова, яко желаетъ царемъ быти» (108).

Положеніе дѣлъ Скопина въ настоящее время было уже таково, что союзнымъ войскамъ оставалось направить свои силы на короля и заставить его удалиться изъ Россіи, пока онъ не успѣлъ еще усилиться. Приближеніе Скопина заставило тушинцевъ удалиться; у Скопина было своего войска 18,000, но къ нему присоединились войска Шереметева, московскіе отряды; у него было шведское войско. Московскіе отряды смѣло доходили до Калуги, гдѣ сосредоточивались силы самозванца. Король чувствовалъ себя безсильнымъ въ чужой странѣ. Число-же осажденныхъ въ Смоленскѣ насчитывали до 70,000 человѣкъ (Соловьевъ, VIII, 286, 312; Карамзинъ, XII, 100—106). Одно приближеніе Скопина къ Москвѣ облегчило подвозъ припасовъ и немедленно понизило цѣны на хлѣбъ, разрѣшивъ до извѣстной степени существеннѣйшій вопросъ смутъ, во время обложенія Москвы (Лѣт. о мятеж: 167—176; Нов. лѣт. 109—114; Никон. 124 и д.) *). Планъ похода противъ короля дѣйствительно существовалъ еще въ Александровской слободѣ; но, послѣ поступка Ляпунова, царь отправилъ письмо къ Скопину и требовалъ прибытія его въ Москву, чтобы воздать ему почести, приличныя побѣдителю**). Делагарди былъ на сторонѣ похода, какъ увидимъ далѣе. Жолкевскій также находитъ, что положеніе Скопина въ это время было такъ удачно, а поляки были до того стѣснены, что имъ оставалось одно средство—прекратить военныя дѣйствія и отступить съ честью, о чемъ вскорѣ состоялось рѣшеніе въ польскомъ сенатѣ, постановившемъ приступить къ трактату съ Россіею о прекращеніи кровопролитія; а между тѣмъ вновь прибывшій отрядъ шведскаго войска успѣлъ на пути къ Москвѣ разсѣять польскія войска. Въ такое время постигла смерть Скопина (Зап. Жолк. 1-е изд. 60—64; 2-е изд. 35—38). По другимъ, конечно, побужденіямъ желала исполненія того-же плана мать Скопина. Явившись въ Александровскую слободу, она убѣждала его не ѣздить въ Москву, зная безъ сомненія тамошнее настроеніе умовъ *).

Тѣмъ не менѣе приказъ царя слѣдовало исполнить: 12 марта Скопинъ и Делагарди имѣли торжественный въѣздъ въ Москву (Видек. 130)**). Царь велѣлъ боярамъ встрѣтить ихъ съ должною честью; но пародъ превзошелъ его желанія. Онъ высыпалъ за городъ***), падалъ ницъ, называлъ Скопина отцомъ отечества, а Делагарди освободителемъ, и поднесъ имъ хлѣбъ и соль (Видек. ib., Ник. 131; сказаніе Палиц. Псков. лѣт. 58). Шуйскій плакалъ отъ радости, казалось искренно (Видек. ib.), но въ Москвѣ этимъ слезамъ никто не вѣрилъ****). Скопину, Делагарди и шведскому войску онъ раздалъ богатые подарки и жалованье *****).

---

*) Бочка ржи, продававшаяся по 20 злот. (15 руб), стоила теперь 3 злот. (2 р. 25 к.) (Жолкевскій, 43). «На Москвѣ бысть дороговь великая, покупаху четверть ржи 7 руб.» (Никон. 112).

**) «Ему же (Скопину) стоящу тогда съ вои, съ нѣмцы и русью, во Александровѣ слободѣ, хотящу итти на безбожнаго короля польскаго подъ Смоленскъ на испорученіе граду, Богу же тако изволившу всѣмъ злымъ на ны быти грѣхъ ради нашихъ, не сбысться его мысль: царь бо Василій посылаетъ посланіе къ нему и повелѣваетъ ему къ собѣ въ цар. градъ Москву пріити, дара ради и чести, и цѣлованія, и возвеселитися съ нимъ въ купѣ и воздати ему побѣдительная. Онъ же беззлобивый ни въ умѣ сего помысли еже о царствѣ, но токмо еже пострадати противу безбожныхъ за Божіи церкви, и за царя своего дядю, и за все православное царство; и не разумѣ дядина лукавства и злыя мысли, и не хотѣ преслушати царскаго повелѣнія, и пріиде къ царю». (Псков. ib. 58).

*) «И колко я тебѣ чадо во Александрови слободи приказывала не ездить во градъ Москву, что лихи въ Москвѣ звѣри лютые, а пышатъ ядомъ зміинымъ», говорила ему мать послѣ катастрофы. (О рожен. кн. Мих. Вас. въ Изборн. Попова, 883).

**) Въ Псков. л. (58): «и не хотѣ преслушати царскаго повелѣнія, и пріиде ко царю».

***) Въ Столяр. хронографѣ прибавлено: «За деревяннымъ городомъ, по Ярославской дорогѣ». У Карамз. XII, 513 примѣч. Скопина встрѣчали бояре, посадскіе и весь людъ. (Днев. пох. Сигиз. 583, и Видек.)

****) «Царь же Василій пріятъ его радостнымъ лицемъ и даде ему многіе дары, въ сердце же имяше на него злобу за присланныхъ отъ Прокофья Ляпунова, и имяше его въ подозрѣніи за оную честь, что воздали московскіе люди во время пріѣзду его къ Москвѣ» (Нов. лѣт. 114; Никон. 131; Лѣт. о мятеж. 176).

*****) Шуйскій весьма ласково принялъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ офицеровъ золотою и серебряною посудою; выпла-

Пріемъ, оказанный Скопину, сильно подѣйствовалъ на Шуйскихъ. Кн. Дим. Шуйскій, которому, по причинѣ его неудачныхъ дѣйствій, не было поручено начальство надъ войскомъ, надѣялся, что и Мих. Скопинъ потерпитъ неудачу въ своемъ предпріятіи и возвратится домой также, какъ и онъ возвратился отъ Калуги. Увидя однако, что Скопину благопріятствуетъ счастіе, что онъ, благодаря своему благоразумному и осторожному управленію, уважаемъ всѣми, сталъ ненавидѣть и завидовать ему. Это обнаружилась во время вступленія кн. Михаила Скопина въ Москву, когда кн. Дим. Шуйскій, стоя на валу и, издали завидѣвъ Скопина, воскликнулъ: «вотъ идетъ мой соперникъ». Многіе бояре, стоявшіе близь Шуйскаго, услышали эти слова, обратили на нихъ вниманіе и предположили то, что случилось въ послѣдствіи. Отсюда видно, до какой степени сердце Дим. Шуйскаго было снѣдаемо злобною завистью. Онъ не только имѣлъ извѣстныя честолюбивыя намѣренія, но даже открыто высказывалъ ихъ въ присутствіи лицъ, его окружавшихъ. Такъ передаетъ этотъ случай голландецъ Геркманъ, бывшій въ Россіи при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и собиравшій свѣдѣнія у очевидцевъ. (Изд. Археогр. коммис. 313—314). Есть также извѣстіе, что самъ царь до того былъ пораженъ сценою встрѣчи Скопина, что выслалъ сказать ему, чтобы онъ прежде, чѣмъ отправится домой, заѣхалъ въ крѣпость, гдѣ, поблагодаривъ его за услугу, оказанную ему, упрекнулъ однако за то, что онъ замышляетъ лишить его престола. Говорятъ, что, отказавшись отъ подобной мысли, Скопинъ въ пылу объясненія, совѣтовалъ однако и Василію оставить царство; такъ-какъ счастіе не благопріятствуетъ его правленію, а потому необходимо избрать другаго царя — царской крови. Царь Василій будто-бы согласился съ нимъ (Днев. пох. кор. Сигизм. 583—84).

тилъ всему войску жалованье золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и москвитяне съ нетерпѣніемъ, ожидали весны, чтобы выпроводить гостей противъ непріятеля». (Буссовъ, 114).

Между тѣмъ въ Москвѣ наступалъ рядъ торжествъ и пировъ, въ честь побѣдителей. Царь, его братья и бояре, спѣшили выказать кто искреннюю, а кто мнимую признательность (Видек. 131; Псков. лѣт. 58). За то москвитяне выражали неподдѣльную радость (Сказ. Палицына, 230—31), которая вытекала на сколько изъ признанія заслугъ Скопина, на столько изъ нерасположенія къ царской семьѣ. Антипатія къ самому царю вполнѣ понятна. Выкрикнутый на площади толпою своихъ приверженцевъ въ критическую минуту безначалія, онъ не успѣлъ установить порядка и примирить враждующія партіи. Невзрачный на видъ, онъ не могъ смягчить своихъ противниковъ даже внѣшнимъ обращеніемъ. Подозрительный по натурѣ, онъ легко поддавался постороннимъ навѣтамъ. Лживый въ своемъ словѣ (таковы его торжественныя увѣренія о смерти царевича Димитрія и первомъ самозванцѣ), онъ естественно не могъ возбудить къ себѣ довѣрія. Давъ теперь доступъ наущеніямъ на Скопина, онъ повредилъ своему собственному дѣлу въ самую, можно сказать, счастливую минуту своего правленія. Правда, онъ соблюдалъ, по-крайней-мѣрѣ, внѣшнее приличіе въ отношеніи къ племяннику. Но его братъ, кн. Димитрій, не умѣлъ сдерживать борьбы съ завистливымъ чувствомъ. Между тѣмъ, по своему характеру, онъ не могъ возбудить уваженія къ себѣ ни въ окружающихъ, ни въ своихъ подчиненныхъ. Спѣсивый въ отношеніяхъ къ послѣднимъ, малодушный на ратномъ полѣ, онъ утопалъ въ роскоши и удовольствіяхъ, которыя въ то время шли совершенно въ разрѣзъ съ тягостнымъ состояніемъ народа *) Третій изъ братьевъ Шуйскихъ, кн. Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ прежнихъ происках, также враждебно относился къ Скопину и вмѣстѣ съ ними раздѣлялъ нелюбовь народа.

*) «Вои ненавидиху его гордости, сего ради и нелюбезенъ бяше во очію ихъ». (Сказ. Авр. Палицына, 232).

«Воевода, сердца не храбраго, но женственными обложенный вещми, красоту и пищу любящій, а не луки натязати и копія приправляти хотящій». (Иное сказ. о самозв. Времен. Моск. общ. ист. XVI, 66).

Послѣ этого понятно, какъ въ глазахъ народа и войска долженъ былъ выигрывать самъ Скопинъ.

По русскимъ извѣстіямъ, онъ былъ красивъ лицомъ и привѣтливъ; заботливый полководецъ, никого не оскроблявшій своимъ словомъ; благодушный къ иностранцамъ. (Псков. лѣт. 59; Рукоп. Филар.; Хроногр. Ключар. у Карамз., XII стр. 528). Конечно, въ этомъ изображеніи слышится витійство, свойственное историческимъ сказаніямъ конца XVI и XVII вѣка, но намъ извѣстенъ уже отзывъ о Скопинѣ Видекинда; а вотъ и отзывъ о немъ гетмана Жолкевскаго: «Скопинъ-Шуйскій, говоритъ онъ, хотя былъ молодъ, но, какъ говорятъ люди, которые его знали, онъ былъ надѣленъ отличными дарованіями души и тѣла, разсудкомъ не по возрасту, мужественнымъ духомъ и прекрасною наружностью» (Зап. 41—42). Даже Буссовъ, относящійся къ русскимъ вообще враждебно, дѣлаетъ изъ нихъ исключеніе только въ пользу Басманова, извѣстнаго покровительствомъ иностранцамъ, и Скопина, котораго называетъ «героемъ и великимъ мужемъ» (Сказ. о самозв. I, 98, 114). Общій плачъ шведскихъ воеводъ и войска по смерти Скопина можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ этихъ достоинствъ русскаго вождя, который, при всѣхъ неудовольствіяхъ на пути, съумѣлъ удержать ихъ въ повиновеніи, будучи всегда къ нимъ «добръ и ласковъ» (Столяр. Хрон. у Карамз. XII, прим. 530; въ Изборн. Попова, 344).

Весьма естественно, что, не любя Шуйскихъ, народъ и враждебная имъ партія, возлагали свои надежды на Скопина и, среди общихъ торжествъ, могли высказывать мысль о передачѣ престола Скопину, хотя лѣтописцы и въ этомъ случаѣ стараются оправдать послѣдняго (Сказ. Палиц. 230; Никон. 132; Нов. лѣт. 114). Но одно нисколько не противорѣчитъ другому. Безъ сомнѣнія, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ не рѣшился-бы посягнуть на власть царя Василія; но царь отъ поздняго брака имѣлъ одну или двѣ дочери, которыя умерли въ младенчествѣ (Карамзинъ, примѣч. 519, т. XII), а тогда Скопинъ могъ разсчитывать на общее избраніе, какъ представитель по первородству правъ вѣтви дома Рюрика, ближайшей къ царской линіи (Бутурлинъ, ист. Смут. врем. III, 132), чего, конечно не могли допустить братья царя, и въ особенности самолюбивый кн. Димитрій. Между тѣмъ при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поляковъ и при помощи шведовъ и сильнаго русскаго войска Скопину удалось-бы заставить короля снять осаду Смоленска и очистить Россію, а за тѣмъ онъ вернулся-бы при новыхъ знакахъ торжества въ Москву—перспектива весьма не выгодная для Шуйскихъ. Но народная партія не хотѣла ждать. Ея стремленія ясно выражены въ интересномъ сказаніи объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича *). Въ современной-же депешѣ французскаго агента, бывшаго въ Москвѣ, (находящейся въ сборникѣ рукописей, принадлежащемъ парижской національной библіотекѣ) читаемъ слѣдующее не менѣе интересное мѣсто: «говорятъ, что Шуйскій, будучи самъ весьма богатъ и могущъ, намѣренъ оставить власть и позволить чинамъ свободное избраніе, причемъ полагаютъ, что Скопинъ предпочтенъ будетъ всѣмъ.» (Запис. Жолк., 2 изд., 47—56, въ прилож.) **)

Донесеніе это писано отъ 5 апр. (17 апр. нов. стиля), слѣдовательно спустя три съ по-

---

*) «Егда же взяша московское государство у поганыхъ польскихъ людей, собравше оставшіи отъ разоренія люди, всякихъ чиновъ московскіе жильцы и иныхъ градовъ русскихъ начаша глаголати: «не возможно намъ пребыти безъ царя не единаго часа; но да изберемъ себѣ на царство». И восхотѣша начальницы паки собѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти, но въ прежерѣченнаго мѣсто храбраго князя Михаила Скопина Богъ воздвиже втораго Михаила, нечаемаго, его же и самъ избра; и испаде на него жребій и поставиша и на царство». (Приб. ко 2 Псков. лѣт. 63. Полн. соб. р. лѣт. т. V).

**) Депеша эта найдена Мухановымъ въ сборникѣ, озаглавленномъ: Bibliotheque Royale, section de manuscrits missions ètrangères, 277. На стр. 374: Nouvelles septentrionaux du moys d'avril 1610. На полѣ: Moscovie 1610. Нунцій Симонетта отъ 16 апр. (6 апр.) писалъ изъ Вильны кард. Боргезе: «Era anco nuova, Che duravano tutavia l'emu latione, e dispareri tra il suiski et loscopino suo fratello, il che quando fosse vero, non potrebe se non apportar giovamento alle cose di sua Maesta. (sebbene anco si dice he sainten dano insieme). Hist. Rus. Monum. II, 109.

ловиною недѣли со дня вступленія Скопина въ Москву (12 марта), и почти за три недѣли до его смерти (23 апр.), а такъ какъ при этомъ онъ проболѣлъ около двухъ недѣль, то и событія, о которыхъ сообщаетъ депеша, происходили всего за нѣсколько дней до болѣзни Скопина. Такимъ образомъ, не задолго до послѣдней, политическая агитація въ Москвѣ достигла уже крайняго предѣла. При этомъ и сообщенное нами выше извѣстіе (Дневн. пох. Сигизм.) о бесѣдѣ, происходившей между царемъ и Скопинымъ, получаетъ нѣкоторое подтвержденіе. Но въ томъ-же источникѣ мы находимъ и слѣдующее современное извѣстіе, сообщенное изъ Москвы королю, которое въ связи съ указанными данными не лишено глубокаго интереса. Велижскій староста далъ знать въ королевское войско, что изъ Ржева пришло извѣстіе, что Скопинъ и Василій Шуйскій дѣлали у столицы примѣрное сраженіе, что дѣло дошло до серьезной битвы и что съ обѣихъ сторонъ пало не мало людей» (Днев. пох. Сигизм. 579).

Все это убѣждаетъ насъ въ существованіи замысла въ пользу Скопина. Тогда братья Шуйскіе съ своею партіею рѣшились окончательно разсорить царя съ племянникомъ *). Видя успѣхъ этой интриги сторонники Скопина побуждали его выйти скорѣе изъ Москвы и заняться походомъ подъ Смоленскъ. (Сказ. Палиц. 230 *). Самъ Делагарди неотступно («безпрестани») требовалъ, чтобы онъ «вышелъ изъ Москвы, видя возраставшую противъ него ненависть» (Ник. 132; Нов. лѣт. 114; Лѣт. о мятеж. 177). Такъ систематически развивалась интрига противъ Скопина.

Можетъ, конечно, родиться вопросъ—почему-же онъ не вышелъ изъ Москвы, не смотря на столь сильныя настоянія и очевидную опасность? Но, совершивъ такой длинный переходъ Скопинъ долженъ былъ дать отдыхъ войскамъ и выждать до болѣе благопріятнаго времени **). Притомъ и самая катастрофа постигла его вскорѣ по прибытіи въ Москву; но и въ этотъ короткій промежутокъ онъ занимался приготовленіемъ къ походу***) и военными упражненіями, во время которыхъ произошло столкновеніе его войска съ царскимъ отрядомъ — результатъ крайняго раздраженія обѣихъ сторонъ.

Среди этихъ приготовленій и торжествъ рѣшилась участь Скопина. На пирѣ, бывшемъ въ день крестинъ сына кн. Ив. Михайловича Воротынскаго, на которыхъ кн. Скопинъ былъ крестнымъ отцемъ, а жена кн. Димитрія Ив. Шуйскаго (Екатерина, дочь знаменитаго злодѣяніями Малюты Скуратова) крестною матерью, онъ сильно заболѣлъ, во время «перепиванья», осушивъ чашу вина, поднесенную ему кумою. Въ такомъ видѣ его едва довели до ближайшаго монастыря. Обнаружилось кровотеченіе носомъ и ртомъ. Перенесенный домой, онъ проболѣлъ до двухъ недѣль, и, не смотря на помощь, оказанную ему докторами, присланными отъ Делагарди, скончался въ ночь съ 23 на 24 апрѣля (Рукоп. Филар. 25—26; Сказ. о рожд.

---

*)«Неувяжемый удъ въ человѣцѣхъ, бѣсящійся языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца, яко вся земля россійская почитаетъ кн. Михаила, паче тебя великій царю. Еще же и скиптроносца хотятъ его видѣти «(Сказ. Палицына, 230.)

«Дядья же его кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйскій съ братіею и со княгинею велію злобу имяху на него, чающи того, якобы онъ желаетъ быть царемъ, въ немъ же сего никто не надѣяшася быти». (Нов. лѣт. 114).

«Дядья жъ князь Михаиловы кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйскій со княгинею великую держаху на кн. Мих. ренъ (ссора), чаяху, что онъ подыскиваетъ подъ царемъ Васильемъ царства, а про то убо и всей земли видимо, что онъ тово и въ умѣ не было». (Ник. лѣт. 132; Лѣт. о мятежѣ 177).

«И сему кн. Михаилу позавидѣша три братья, его дядья, его славѣ и чести, и оклеветаша царю, глаголюще: «слышахамъ, царю, яко племянникъ нашъ хощетъ царемъ быти въ тебе мѣсто.» (Псков. лѣт. 58).

*) «Храбрый же той мужъ отъ многихъ молимъ бяше, дабы шелъ изгубити пути нечестивыхъ и дабы не престалъ оттоняти волки отъ стада Христова».

**) Получено извѣстіе (27 апр. н. ст.), что Скопинъ съ Шереметевымъ находится въ столицѣ и что онъ распустилъ свое войско, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы все оно собралось, какъ только пойдетъ трава (Дневн. пох. Сиг., 577).

***) «По приходѣ же (въ Москву) кн. Мих. Васильевича начаша парежатися итти подъ Смоленскъ». (Никон. 132). «Та же (также) вскорѣ начаша совѣтовати о посылкѣ подъ Смоленскъ». (Нов. лѣт. 114).

Скоп. въ Избор. Попова, 383; Псков. лѣт. 58; Нов. лѣт. 114; Никон. л. 132; Лѣт. о мятеж. ib.) *).

Слухъ объ отравѣ быстро распространился по Москвѣ; на Димитрія Шуйскаго указывали, какъ на виновника отравленія. Народъ хлынулъ въ домъ послѣдняго, и, еслибы не войско, посланное на выручку, то ему трудно было-бы избѣжать мести (Videk. 139—140)**). По приказанію царя, Скопина похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, но не рядомъ съ царскими гробницами, а въ новомъ придѣлѣ (I. Предтечи. Ник. лѣт. 132; Нов. лѣт. и лѣт. о мятеж.)***). Смерть Скопина вызвала общую печаль въ Москвѣ (Никон. лѣт. 132; Псков. 59; Сказ. Палиц. 239); терзался и плакалъ и царь Шуйскій (Сказ. о Скоп. 387); но многіе не вѣрили въ искренность его печали (Videk. 140; Геркманъ 315) ****). Далѣе мы увидимъ, что

*) Карамзинъ, основываясь на томъ, что вездѣ дѣйствующимъ лицомъ называется жена Димитрія Шуйскаго (Псков., Никон.), а въ Псков. лѣт. и пиръ упоминается въ домѣ Шуйскихъ, принимаетъ мѣстомъ этого происшествія домъ кн. Димитрія Шуйскаго; но въ болѣе оффиціальномъ источникѣ (рукоп. Филар.) говорится ясно о крестинномъ пирѣ у Воротынскаго (тоже и въ Сказ. о Скоп.). Такъ принимаютъ этотъ фактъ и другіе историки (Бутурлинъ, III, 192; Соловьевъ, VIII, 312; Костомаровъ, II. 337).

**) Москвичи не хотѣли допустить Делагарди и шведовъ проститься съ мертвымъ, какъ неправославныхъ. Но Делагарди заявилъ, что онъ имѣетъ на это право какъ товарищъ умершаго. Его пустили. Увидѣвъ Скопина мертвымъ, онъ горько заплакалъ и сказалъ при этомъ: «Москвичи! Не только на Руси, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка» (Изборн. Попова 384).

Скопинъ былъ такого громаднаго роста, что въ Москвѣ не могли найти подходящаго для него гроба и должны были придѣлывать съ обѣихъ сторонъ. ibid.

***) Въ этомъ придѣлѣ только одна гробница Скопина сложенная, какъ и царскія, изъ кирпича. Надписи на ней нѣтъ. На стѣнѣ-же помѣщенъ портретъ 9½ верш. вышины, 8 шир.), писанный на деревѣ стариннымъ письмомъ (изъ яйца), въ верхней части котораго образъ и надпись имени и фамиліи Скопина (См. 1-е изд. Зап. Жолк. въ началѣ и стр. 230—31). Впрочемъ существуетъ сомнѣніе въ томъ, что это портретъ Скопина.

****) Тѣло Скопина предполагалось отвезти въ фамильную усыпальницу въ Суздаль, но вслѣдствіе опасности отъ поляковъ и «воровъ» было сдѣлано распоряженіе поставить его до времени въ Чудовомъ монастырѣ. Это вызвало неудовольствіе въ народѣ, который требовалъ похоронить его въ Арханг. соборѣ, и царь долженъ былъ уступить. (Сказ. о Скоп. 385.)

это не совсѣмъ такъ. При общемъ недовѣріи между властью и народомъ и напряженномъ состояніи народа и войска въ Москвѣ, смерть Скопина была роковымъ событіемъ для настоящаго порядка вещей.

Повидимому, это событіе не измѣнило плана дѣйствій. 48,000 русское и 8,000 шведское войско выступили къ Смоленску противъ поляковъ. Царь однако сомнѣвался кого послать во главѣ его (Нов. лѣт, 115; Ник. 133); но послалъ того-же Димитрія Шуйскаго вмѣстѣ съ Делагарди. 24 іюня поляки, подъ начальствомъ Жолкевскаго, нанесли пораженіе русскимъ подъ Клушинымъ, благодаря измѣнѣ нѣмцевъ и нераспорядительности русскаго полководца. Нѣмцамъ позволено было отступить къ границѣ, а русскіе бѣжали, преслѣдуемые поляками. Русскія и иностранныя свидѣтельства и въ этомъ дѣлѣ обвиняютъ Д. Шуйскаго, такъ какъ онъ не хотѣлъ дать денегъ наемному войску, когда деньги у него были, вслѣдствіе чего нѣмцы измѣнили (Ник. 134; Нов. лѣт. 115; Жолк. 102) *).

Димитрій Шуйскій остался вѣренъ себѣ и въ этой роковой битвѣ **). По словамъ Жолкевскаго, онъ бѣжалъ поспѣшно, хотя немногіе его преслѣдовали; его конь завязъ въ болотѣ, а онъ потерялъ обувь, и босой, на тощей крестьянской клячѣ, пріѣхалъ подъ Можайскъ въ монастырь. Тамъ, доставъ лошадей и обувь и

*) «Пришедши жъ къ Клушину.... нѣмцы у князя Дм. Ив. начаша просити денегъ по договору, чтобъ имъ далъ наемъ ихъ, что заслужили. У князя-жъ Дм. Ив. была многая денежная казна въ то время, но нѣмцамъ найма не даде, прошаше у нихъ сроку, творяся яко толико денегъ не не имать у себя. Нѣмцы же озлобишася о семъ, и посла отъ себя Ивенгорь (Евертъ Горнъ) къ Жолкевскому, веляше ему приходить не мѣшкая на московскіе полки, обѣщася ему, что онъ Москвѣ помощи чинить не станетъ.» Онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Во время переговоровъ съ шведами въ 1616 г. Делагарди приписывалъ пораженіе измѣнѣ, именно нѣмцевъ, бывшихъ въ отрядѣ его войска и признавалъ причиною измѣны неплатежъ денегъ Дм. Шуйскимъ, который ихъ имѣлъ. Что-же касается русскаго войска, то оно было истомлено большими переходами во время жары. (Соловьевъ, IX, 104—106).

**) Видекиндъ говоритъ, что Д. Шуйскій во время битвы укрывался въ станѣ и, внѣ опасности, смотрѣлъ на происходившее передъ его глазами.

посовѣтовавъ жителямъ Можайска просить у непріятеля пощады, безостоновочно отправился въ Москву (Зап. 103) *).

Между тѣмъ противъ царя Шуйскаго поднялась туча съ другой стороны. Едва разошлась вѣсть о смерти Скопина, какъ Ляпуновъ завязалъ уже переговоры и съ калужскимъ царикомъ, и съ Вас. Вас. Голицынымъ о сверженіи царя, и съ городами, вѣрными послѣднему, чтобы отклонить ихъ отъ него. То была «месть» съ его стороны ц. Шуйскому «за смерть Скопина», встрѣтившая полное сочувствіе въ самой Москвѣ (Нов. лѣт. 118—119; Ник. 133; Лѣт. о мятеж. 179; Лат. у Карамз. пр. 532). Многіе уже вступили въ переговоры съ сторонниками вора въ пользу Сигизмунда. Видя такой поворотъ дѣла, царь Шуйскій и самъ хотѣлъ завязать сношенія съ Жолкевскимъ и рѣшить свою участь посредствомъ переговоровъ. Но Ляпуновъ предупредилъ его. По его иниціативѣ, братъ его Захарій съ нѣсколькими единомышленниками начали дѣло низложенія Шуйскаго, и, послѣ приговора бояръ и народа, насильно совершили надъ нимъ постриженіе (19 іюля 1610 г.), послѣ чего начался новый, послѣдній актъ смутной эпохи. Псковской лѣтописецъ паденіе Шуйскаго считаетъ прямымъ послѣдствіемъ смерти Скопина и неудачной битвы Д. Шуйскаго (59). Въ приговорѣ Думы, состоявшемся при низложеніи ц. Василія, было постановлено, чтобы братья его не присутствовали болѣе въ ней (Соб. госуд. грам. II, 390); но при этомъ, во избѣжаніе болѣе дурныхъ послѣдствій, сочли нужнымъ обезпечить какъ царю и его женѣ, такъ и обоимъ его братьямъ неприкосновенность жизни. Это было необходимо въ виду того, что послѣ бѣгства Д. Шуйскаго въ Москву, народная партія прямо обвиняла Шуйскихъ въ раззореніи государства, а его братьевъ въ погубленіи Скопина: «Тебя ради, говорили ему, кровь христіанская проливается и земля раздѣлилась, потому что ты воцарился не по избранію всей земли; твои же братья своего племянника, а нашего государя оборонителя и заступника, отравою окормили: къ кому теперь прибѣгнемъ? нѣтъ у насъ болѣе надежды; сойди съ царства, и соединится наша земля» (Псков. 59).

Заслуги Скопина, напротивъ, вызвали признаніе земли. Въ приговорѣ 13 іюня 1611 г., въ которомъ былъ постановленъ пересмотръ вотчинъ и помѣстій, доставшихся въ смутное время, сподвижники Скопина были ограждены отъ всякаго посягательства на ихъ права.

Роль Шуйскихъ была съиграна и въ скоромъ времени имъ пришлось участвовать, въ числѣ трофей, въ варшавскомъ тріумфѣ Жолкевскаго (19 окт. 1611 г.). Тамъ умерли одинъ за другимъ: бывшій царь Василій (12 сент. 1612 г.) и его братъ Димитрій (1613); но тѣла ихъ были перенесены въ Москву въ 1635 г. Братъ же ихъ, Иванъ, возвратившійся живымъ, занялъ соотвѣтствующее мѣсто при московскомъ дворѣ и умеръ въ 1638 году. Съ нимъ прекратилась фамилія князей Шуйскихъ въ Россіи. (Родосл. книга, кн. П. Долгор. I, 235—36).

Въ заключеніе намъ остается сказать о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ, относящихся непосредственно къ катастрофѣ, постигшей Скопина.

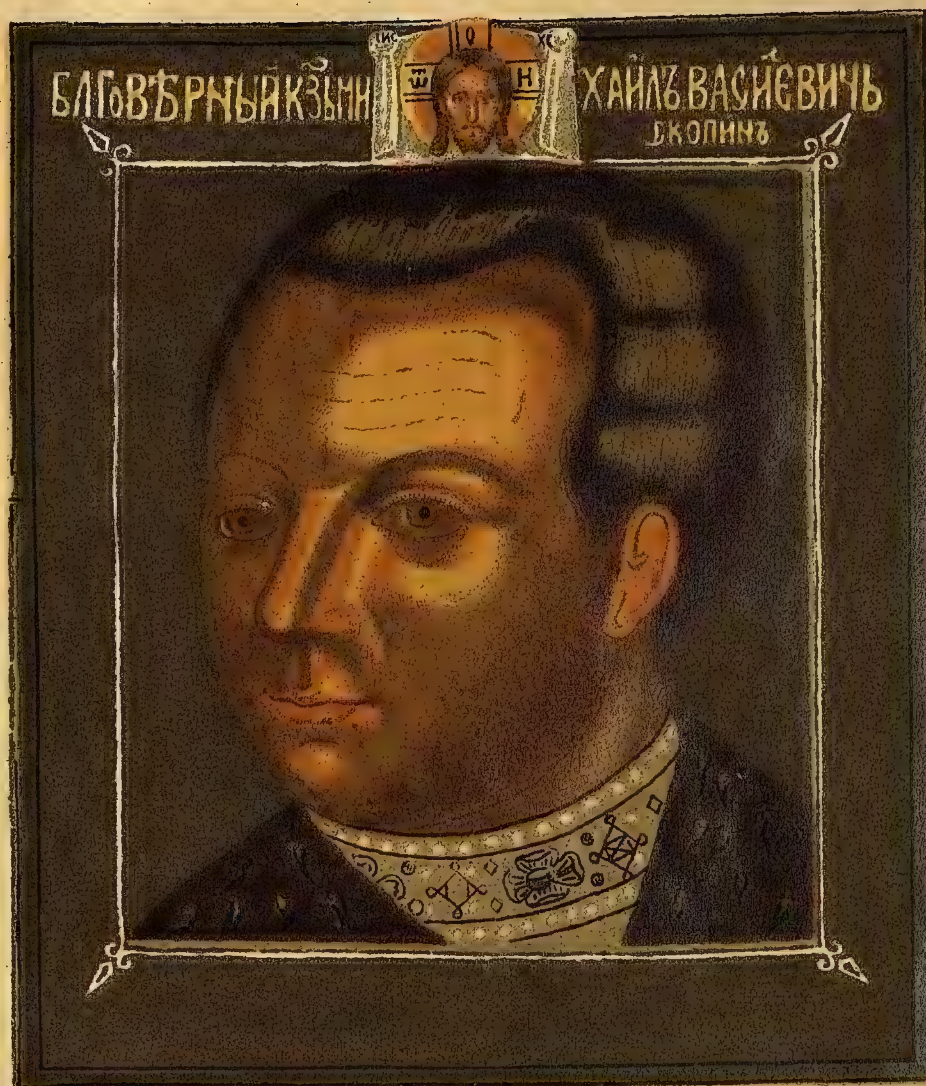
В. Иконниковъ.

---

*) Не впервые бѣжалъ Д. Шуйскій посрамленный съ поля битвы. Изъ подъ Калуги онъ бѣжалъ «въ одномъ лишь кафтанѣ». (Геркманъ, 297).

По словамъ Маскѣвича, Д. Шуйскій первый сѣлъ подъ Клушинымъ на лошадь и бѣжалъ съ поля битвы, а затѣмъ уже бросились бѣжать войска. (Дневн. въ изд. Устр. 41.)

Въ походѣ съ Д. Шуйскимъ было множество дорогихъ кубковъ, мѣховъ и колясокъ, запряженныхъ лошадьми. Побѣдителямъ достались его вооруженіе, карета и бархатная съ золотомъ хоругвь. (Зап. Жолкевск.) 102—103. Dz. Zig. III, т, II, 603.

Хромолитогр. В. И. Грацiанскаго Невск. пр. №46 — рисов. на камнѣ. А. Адамовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ КНЯЗЯ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКАГО, ПИСАННОЕ ИКОННЫМЪ СТИЛЕМЪ И НАХОДЯЩЕЕСЯ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

ПО ХРОМОЛИТОГРАФІИ, ПРИЛОЖЕННОЙ КЪ КНИГѢ „ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ„ ИЗД. 1841 Г.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

III.

Наши изслѣдователи расходятся въ опредѣленіи дня смерти князя Скопина. Сохранилась панихидная запись Архангельскаго собора, въ которой отмѣчено, что онъ умеръ 23 апрѣля *). Основываясь на этомъ и принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ источникахъ о смерти Скопина говорится такъ, какъ будто она послѣдовала въ тотъ-же день, когда онъ заболѣлъ, кн. Щербатовъ (Исторія Россійская, VII, 382), Карамзинъ (XII, 125), Бутурлинъ (Ист. смут. времени, III, 133) и Арцыбашевъ (Повѣств. о Россіи, III, 233) утверждаютъ, что онъ заболѣлъ и умеръ 23 апрѣля 1610 года **). Между тѣмъ существуютъ указанія, что болѣзнь Скопина продолжалась болѣе недѣли, даже до двухъ недѣль ***). Поэтому другіе держатся одного изъ этихъ свидѣтельствъ, («нѣсколько дней» у Костомарова, II, 337; «двѣ недѣли» у Соловьева, VIII, 312—313), относя къ 23 апрѣля начало болѣзни Скопина и полагая, что въ этотъ день былъ пиръ у Воротынскаго.

Намъ кажется, что обѣ стороны неправы. Не подлежитъ сомнѣнію, что болѣзнь Скопина продолжалась до двухъ недѣль. Не говоря уже о слишкомъ общемъ выраженіи Палицына («мало поболѣвъ»), которое свидѣтельствуетъ болѣе о продолжительности ея, нежели о внезапности ея исхода, нельзя отвергать и другихъ современныхъ извѣстій. Въ Дневникѣ Сигизмунда говорится объ этомъ ясно; а Жолкевскій сообщаетъ, что болѣзнь Скопина сопровождалась лихорадкою (1 изд. 63, 2 изд. 38), слѣдовательно, симптомами также продолжительными. Лѣтописныя данныя, приведенныя нами выше (примѣч.), выражены въ такой общей формѣ, что не даютъ права дѣлать заключеніе въ ихъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что они не противорѣчатъ извѣстіямъ, принятымъ нами.

При всемъ томъ мы остаемся при указаніи, что смерть Скопина послѣдовала 23 апрѣля. Это подтверждается церковною записью и болѣе внимательнымъ объясненіемъ источниковъ. Безъ сомнѣнія, отмѣтка числа на полѣ (23 апр.) въ Рукописи Филарета, при краткости всего изложенія этого событія *), относится ко дню смер-

*) «Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ царя и вел. кн. Василія Іоанновича всея Руси племянникъ кн. Мих. Шуйскій—Скопинъ..... преставися въ лѣто 7118 (1610), апрѣля въ двадцать третій день, на память великомуч. Георгія, въ послѣдній часъ ночи». Древ. Рос. Вивліоѳ., XI, 232. Съ этимъ опредѣленіемъ дня и часа согласно и Сказ. о рожд. кн. Скопина. Изборн. Попова, 384. См. ниже.

**) «Разболѣся сей храбрый воевода на крестинномъ пиру... И тако едва дойде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда.... и пребысть похищеніе смертное» (Рукоп. Филарета, 25—26). У Авраамія Палицына: «Мало поболѣвъ, страшный юноша въ Господу отъиде». (231. Псков. Лѣт. 59, Никонов. и ей подобныя также не раздѣляютъ этихъ событій).

***) Напр., въ Дневникѣ похода Сигизмунда III, въ которомъ извѣстія записывались по мѣрѣ ихъ полученія въ лагерѣ, отмѣчено: «Сказали что онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться» 584.

У Геркмана: «Болѣзнь его такъ усилилась, что черезъ 8 или 9 дней онъ умеръ» 315.

*) 23 апрѣля. «Разболѣся сей храбрый воевода кн. Михайло на крестинномъ пиру у кн. Ив. Мих. Воротынскаго, егда крести сына своего кн. Алексея... И тако едва дойде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта, и пребысть похищеніе смертное» (25—26). Понятно, что современники должны были лучше помнить день смерти Скопина, которая произвела такое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, нежели время пира у Воротынскаго.

Въ Сказаніи о рожденіи Скопина хотя также не дѣлается точнаго раздѣленія между болѣзнію и смертью

ти Скопина, а не пира у Воротынскаго. Въ Столяровскомъ-же хронографѣ, принадлежавшемъ Карамзину, вмѣсто указанія числа и мѣсяца смерти, замѣчено: «И судомъ божіимъ въ животѣ его не стало послѣ велика дни вскорѣ» (Изборн. Попова 344). Это можно сказать только о 23 апрѣля, а не о двухъ недѣляхъ спустя; такъ какъ первый день пасхи въ 1610 году приходился 8 апрѣля. Выраженіе лѣтописца («велика дни») можетъ, конечно, относиться ко всей свѣтлой недѣлѣ, и тогда другое опредѣленіе («вскорѣ») вполнѣ точно; но едва-ли лѣтописецъ позволилъ-бы себѣ такъ выразиться, если-бы Скопинъ умеръ спустя двѣ недѣли или даже недѣлю послѣ 23 апрѣля (т. е. 7 мая или 30 апрѣля). Указанныя соображенія вполнѣ подтверждаются Дневникомъ похода Сигизмунда. Извѣстіе о смерти Скопина было занесено сюда 13 мая новаго стиля, или 3 мая стараго, съ замѣчаніемъ, что онъ болѣлъ двѣ недѣли. Оно было получено подъ Смоленскомъ изъ Можайска (на основаніи показаній двухъ передавшихся бояръ), куда, по смерти Скопина, была прислана въ богадѣльные дома милостыня, на поминъ по его душѣ. Принимая во вниманіе время, необходимое для этихъ сношеній, продолжительность болѣзни Скопина и подтвержденіе самаго извѣстія Слизнемъ (записанное подъ тѣмъ-же числомъ), посланнымъ въ Москву отъ короля и сенаторовъ, для переговоровъ съ царемъ и боярами (объ отъѣздѣ его упоминается въ Дневникѣ подъ 29 апр. нов. стиля, или 19 стар.), слѣдуетъ заключить, что смерть Скопина послѣдовала именно 23 апр., а катастрофа, случившаяся съ нимъ на пирѣ у Воротынскаго, должна быть отнесена за двѣ недѣли до того (Дневн. 585—86, 578).

Обращаемся къ извѣстіямъ и мнѣніямъ о смерти Скопина-Шуйскаго.

Наши изслѣдователи, съ большею или меньшею подробностью, касаются интриги противъ Скопина и тѣхъ подозрѣній, которыя существовали на счетъ его смерти; но устраняютъ дальнѣйшіе выводы изъ этихъ данныхъ. Еще кн Щербатовъ, со свойственною ему осторожностью, замѣтилъ: «хотя лѣтописцы наши и повѣствуютъ, однако не инако какъ молву народную, якобы онъ отравленъ былъ супругою кн. Д. И. Шуйскаго; но, кажется, самые знаки его болѣзни, безпрестанное истеченіе крови изъ носа, является испровергать сіе мнѣніе; ибо едвали есть такая отрава, которая бы токмо сей знакъ болѣзни могла произвести; а въ естествѣ таковыя смерти случаются. И тако за должное почитаю сихъ сродственниковъ князя въ неосновательномъ обвиненіи оправдать» (VII, 383).

Слѣдуетъ замѣтить, что относительно этого вопроса Щербатовъ пользовался только Лѣтописью о мятежахъ, въ которой сказано: «По малѣ же времени грѣхъ ради нашихъ кн. Михайло Васильевичъ впаде въ тяжекъ недугъ, и бысть болѣзнь его зла, безпрестани идяше бо кровь изъ носа. Онъ же сподобися покаянія... предаде духъ свой... Мнозиж на Москвѣ говоряхуть, что испортила его тетка его княгиня Катерина Дмитріева жена Шуйскаго; а подлинноль, то единому Богу свѣдомо, мняху бо вcѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради нашихъ другъ друга ненавидяху и другъ другу завидоваху»... (177—178).

Щербатовъ не пользовался другими матеріалами; ему неизвѣстна была и Рукопись Филарета, заслуживающая вниманія по своей оффиціальности; а въ Лѣтописи о мятежахъ высказывается сомнѣніе.

Карамзинъ, разсказавъ со свойственною ему картинностью самый пріемъ Скопина-Шуйскаго на послѣднемъ пирѣ, замѣчаетъ: «Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ

Скопина, но, послѣ подробнаго изложенія происшествія у Воротынскаго, семейныхъ сѣтованій и посѣщенія больнаго нѣмецкими докторами, замѣчено: «И по исходе дневныхъ часовъ мѣсяца апрѣля въ 23 день зайде и сей воевода... Наутріе же свѣтящуся вторнику и восходящу солнцу слышно бысть по всему граду: отшедъ онъ сего свѣта». (Изборникъ Попова, 384).

Въ 1610 году 23 апрѣля дѣйствительно приходилось въ понедѣльникъ.

смерти, утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ» (XII, 126). Карамзинъ ссылается при этомъ на ту-же лѣтопись, на лѣтопись Псковскую, Сказаніе Палицына, хронографы (Столяр. и Ключар.), иностранныя извѣстія (Видекиндъ и Буссовъ) и важную въ этомъ отношеніи Рукопись Филарета. Приведенныхъ свидѣтельствъ мы коснемся далѣе, а здѣсь замѣтимъ только, что рукопись Филарета была извѣстна Карамзину въ краткомъ извлеченіи, которое о настоящемъ фактѣ говоритъ только: «Разболѣся на крестинномъ пиру, у кн. Ив. Мих. Воротынскаго и т. д.» (см. выше).

Мухановъ, издавшій въ 1835 г. Записки Жолкевскаго, помѣстилъ, въ приложеніи къ нимъ, разборъ сказаній о смерти Скопина-Шуйскаго (304 — 310), которыми пользовался Карамзинъ, а въ томъ числѣ и Рукописи Филарета въ приведенномъ выше видѣ, прибавивъ къ нимъ лишь свидѣтельство Жолкевскаго *); но въ своемъ разборѣ онъ ограничивается оправданіемъ царя Шуйскаго и признаетъ, что Скопинъ умеръ отъ сильнаго кровотеченія (Epistaxis, Haemorrhagia narium), котораго не умѣли тогда унять. Главными основаніями мнѣнія Муханова служили разнорѣчія источниковъ. Но для рѣшенія самаго вопроса важно то, что Мухановъ пришелъ къ нѣсколько инымъ выводамъ, когда главные его источники (рукопись Филарета и записки Жолкевскаго) были изданы въ болѣе исправномъ видѣ, или лучше объяснены.

Арцыбашевъ отмѣчаетъ вскользь «несообразную съ болѣзнію Скопина нелѣпость извѣстія о порчѣ» (III, 233).

Бутурлинъ говоритъ такъ: «Дѣйствительно-ли Скопинъ отравленъ? Доказательствъ преступленія не было, да и быть не могло, ибо естественно, что никто не осмѣливался приступить къ изслѣдованію горестнаго происшествія, навлекшаго подозрѣнія на лица, столь приближенныя къ царю. Съ другой стороны, должно-ли слѣпо вѣрить массѣ народной, всегда готовой приписывать насилію скоропостижную кончину знаменитыхъ мужей. Изъ современныхъ писателей только псковской лѣтописецъ и нѣмецъ Беръ (Буссовъ) обвиняютъ въ отравленіи Скопина, первый самого царя, а послѣдній супругу кн. Д. Шуйскаго. Но Беръ врагъ Василія и недоброжелатель русскихъ. Псковская лѣтопись, писанная въ замѣчательномъ духѣ ненависти ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи и царю, также не должна была усумниться дать вѣру клеветамъ». Авторъ этихъ словъ опровергаетъ оба свидѣтельства записками Жолкевскаго, но тутъ-же прибавляетъ: «Но если дѣйствительно Василій самъ не чуждъ былъ коварнаго замысла на погубленіе Скопина, то судъ божій не замедлилъ совершиться надъ преступнымъ вѣнценосцемъ» (Ист. смут. врем. III, 133—35). Замѣчательно однако, что въ Псковской лѣтописи, при всемъ нерасположеніи ея къ царю Василію, заявляется, что виною смерти Скопина былъ не онъ, а его братья, противъ которыхъ главнымъ образомъ и направлено было негодованіе народа (Полн. собр. лѣт. V, 58—59). Такимъ образомъ безусловной вражды къ царю Василію въ авторѣ этого извѣстія не видно *).

С. М. Соловьевъ ограничивается указанными выше доводами противъ обвиненія, дѣлая при этомъ поправку псковскаго лѣтописца, который послѣдній пиръ относитъ къ Шуйскимъ и, хотя роль отравительницы оставляетъ за женою Д. Шуйскаго, но называетъ ее не Екатериною, а Христиною. Авторъ Исторіи Россіи полагаетъ, что это искаженіе слова крестины, на которыхъ занемогъ Скопинъ (VIII, 313). Если это вѣрно, то оно въ свою очередь показываетъ, что ошибка псковскаго лѣтописца произошла въ слѣдствіе его собственнаго смѣшенія разсказа о крестинномъ пирѣ; а роль жены Д.

*) Въ этомъ изданіи записокъ послѣдняго читаемъ: «Между тѣмъ Скопинъ въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ велъ дѣла, умеръ отравленный (какъ сперва носились слухи) по извѣтамъ Шуйскаго, въ слѣдствіе ревности, бывшей между ними; послѣ-же разспросовъ оказалось, что онъ умеръ отъ лихорадки» (63).

*) По поводу дальнѣйшихъ событій онъ даже прибавляетъ: «А иже дерзнуша кои возложити руцѣ на царя, и поругашася ему, и предаша въ поганыя руки, отъ своихъ людей побіени быша послѣди» (V, 61).

Шуйскаго заставила его отнести и самый пиръ къ Шуйскимъ. Но подобная метаморфоза могла произойти и иначе. Въ начальномъ спискѣ рукописи, вмѣсто Катерины, могло быть прочтено имя Христины, и въ этомъ случаѣ важно то, что лѣтописецъ правильно называетъ ее дочерью Малюты Скуратова. Что-же касается отнесенія пира къ Шуйскимъ, то это могло быть какъ въ силу того, что роль дѣйствующаго лица принадлежала женѣ Д. Шуйскаго, такъ и потому, что Шуйскіе вообще враждебно относились къ племяннику и чаще другихъ угощали побѣдителей. Подобное смѣшеніе дѣлаетъ и Геркманъ, основываясь на тѣхъ-же заключеніяхъ (315).

Н. И. Костомаровъ пересказываетъ тогдашнія отношенія къ Скопину и мнѣнія современниковъ объ его участи (II, 335 — 338), распространеніе которыхъ приписываетъ собственно молвѣ народной (Рус. Ист. I, 675).

Вопросъ о смерти Скопина въ указанныхъ сочиненіяхъ сосредоточивается на томъ—можно-ли считать царя Василія участникомъ въ этомъ дѣлѣ и могъ-ли быть отравленъ Скопинъ, причемъ показаніе Жолкевскаго принимается въ основаніе заключенія. Разсмотримъ самыя извѣстія объ этомъ событіи.

Свидѣтельства, относящіяся сюда, распадаются на двѣ группы: русскія и иностранныя.

Въ ряду русскихъ извѣстій мы должны на первомъ планѣ поставить Сказаніе Авр. Палицына, какъ лица, близкаго къ событіямъ, хорошо знавшаго московскія отношенія и притомъ извѣстнаго по своей дѣятельности. Онъ говоритъ:

«Грѣхъ-же ради нашихъ, по двою мѣсяцу пришествія его (Скопина) къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша къ Господу отъиде, но не вѣмы убо, како рещи, божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися. Единый создавый насъ вѣсть».

Можно согласиться съ Мухановымъ, что Палицынъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса, какою смертію умеръ кн. Скопинъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Палицынъ, пострадавшій при Өедорѣ Ивановичѣ вмѣстѣ съ противниками Годунова, партіей Шуйскихъ, возвысился при послѣднихъ, и, хотя обвиняетъ царя Василія за отобраніе троицкой казны, какъ келарь этого монастыря, но сохраняетъ къ Шуйскому должное уваженіе, какъ къ благовѣрному царю. Палицынъ пользовался его покровительствомъ, находясь въ Москвѣ (Ср. Ист. Соловьева, VIII, 230), а будучи облагодѣтельствованъ Шуйскимъ, онъ не могъ написать о немъ особенно рѣзко даже тогда, когда Шуйскій уже не былъ царемъ. Тѣмъ болѣе важно, что даже при такихъ отношеніяхъ и своей дипломатической уклончивости, онъ не скрылъ «ненависти» къ «гордости» Д. Шуйскаго, рѣзко выражается о его неудачѣ подъ Клушиномъ («изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися»), и откровенно разсказываетъ о симпатіи къ Скопину и интригѣ противъ него лицъ, близкихъ къ царю *): намеки весьма ясные на главныхъ враговъ Скопина. Поэтому нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію и даже неупоминаніе того, что обвиненіе въ его смерти распространилось благодаря народной молвѣ, какъ говорятъ другіе лѣтописцы («мнози говоряхуть»), сильно подкупаютъ въ пользу мнѣнія, что самъ Палицынъ склонялся къ убѣжденію, что «злыхъ человѣкъ умышленіе совершися». Слѣдующее-же затѣмъ витіеватое заключеніе еще болѣе убѣждаетъ въ томъ:

«Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ—пишетъ онъ—но не видѣша на себѣ попущаема стрѣлянія силы; древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся... нынѣ-же и горы основанія и стѣны градовныя, яко прахъ развѣваетъ, тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде подъ землю»... (231—32). Въ этихъ словахъ видно

*) Такъ слѣдуетъ понимать выраженіе: «съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца, яко вся земля россійская почитаетъ кн. Михаила паче тебе великій царю» (230).

полное сочувствіе автора къ печальной участи Скопина, но въ нихъ нѣтъ и попытки оправдать его противниковъ, хотя-бы отъ молвы.

Не менѣе заслуживаетъ вниманіе «Рукопись Филарета». Она почти современна событіямъ; она писана съ оффиціальнымъ назначеніемъ, имѣя въ виду установить извѣстный взглядъ на событія прошлаго, по установленіи настоящаго порядка. Писанная разными лицами, и съ разными взглядами на дѣятельность и отношенія лицъ смутной эпохи, она замѣчательна по сдѣланнымъ въ ней поправкамъ, которыя приписываются патр. Филарету*). Изъ нихъ видно, какой текстъ служилъ основаніемъ и какимъ онъ былъ замѣненъ послѣ просмотра. Въ копіи ея, которую имѣлъ Карамзинъ, поправки были опущены, а въ томъ числѣ и важныя мѣста о смерти Скопина-Шуйскаго. Мухановъ, пользовавшійся при 1-мъ изд. записокъ Жолкевскаго этимъ извлеченіемъ, сдѣлалъ слишкомъ поспѣшный выводъ, что ни авторъ, ни поправщикъ, ничего не говорятъ объ отравленіи Скопина. Но спустя два года (въ 1837) онъ самъ издалъ рукопись и долженъ былъ разубѣдиться въ своемъ заключеніи. «То, что разсказываетъ лѣтописецъ о смерти Скопина, — говоритъ въ изданіи ея Мухановъ, — особенно замѣчательно и едва-ли не послужитъ къ разрѣшенію вопроса: естественною-ли смертію умеръ Скопинъ-Шуйскій, или отъ яда» (Предисл. стр. V).

Вотъ полное изложеніе разсматриваемаго событія по Рукописи Филарета. Зачеркнутыя мѣста отмѣчаемъ разрядкой:

«Царь же Василій исполнися зависти и гнѣва и не возлюби его (т. е. Скопина) за сію бывшую побѣду, якоже и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіаѳа... Оле зависти и ревнію, въ колико несчастіе и погибель пореваетъ душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и безконечному мученію предаетъ.

«Малу-же времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода, князь Мих. Вас. Шуйскій, и умре глаголютъ убо нѣцыя, яко отравленъ бысть, на крестинномъ пиру, у князя Ив. Мих. Воротынскаго, егда крести сына своего Олексѣя, отъ князя Дмитреевы жены, Ивановича Шуйскаго, отъ княгини Екатерины, въ винѣ на перепиваньѣ. И тако едва дойде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта и пребысть *).

«О сихъ же премудрый Соломонъ въ 5-й главѣ глаголетъ: осудитъ же праведникъ умирая и живыхъ нечестивыхъ: узрятъ бо кончину его и не разумѣютъ, что совѣщаша о немъ, яко повержетъ ихъ Господь безгласницъ и поколеблетъ ихъ отъ основанія, и дажъ и до послѣдняго исчезнутъ въ болѣзни, и память ихъ погибнетъ; придутъ въ помышленіи согрѣшеній своихъ ужасни и обличитъ ихъ совѣсть ихъ, сопротивъ беззаконіе ихъ.

«Въ той же главѣ глаголетъ:

«Тогда станетъ въ дерзновеніе множѣ праведникъ предъ лицемъ оскорбя-

*) Въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію Рукописи Филарета (Сборникъ Муханова, 1866), по сличеніи поправокъ рукописи съ письмами Филарета, изданными княз. Оболенскимъ (въ Письмахъ рус. государей, гдѣ приложены списки съ отпусковъ или черновыхъ писемъ, въ которыхъ, впрочемъ, только незначительная часть писана его рукою, а остальное писано дьяками), издатель замѣчаетъ: «Въ почеркѣ поправщика, котораго мы называемъ первымъ, находится нѣкоторое сходство съ почеркомъ Филарета. Говоримъ нѣкоторое, потому что въ совершенномъ сходствѣ мы утверждать не можемъ». Поправки приходилось дѣлать на поляхъ или между строками и въ обоихъ случаяхъ мѣста было мало, а это заставляло писать мелкимъ шрифтомъ, Филаретъ-же обыкновенно писалъ крупными буквами, что́ не могло не отразиться на измѣненіи почерка. Между тѣмъ именно первому поправщику принадлежитъ бо́льшее участіе въ исправленіи рукописи и притомъ самыхъ важныхъ мѣстъ, напр. о смерти Скопина Шуйскаго (листъ 22 и 23), о Клушинскомъ сраженіи (листъ 26). Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что поправки его прерываются на 32 листѣ, гдѣ говорится объ отъѣздѣ изъ Москвы въ Смоленскъ митроп. Филарета и другихъ пословъ. (Стр. XXXIII—XXXIV 2-го изданія и предисл. къ 1-му изд.).

*) Здѣсь было оставлено мѣсто для одной строки, въ которой уже другою рукою приписано: похищеніе смертное.

щимъ его и отмѣтающимъ трудовъ его; видѣвшежъ смятуетъ я страхомъ многимъ и ужаснетца о преславномъ спасеніи его и рекутъ всѣ бѣ кающеся и въ тѣснотѣ духа воздохнутъ и рекутъ: *сей бѣ его же имѣхомъ нѣкогда въ защищеніе, кончину жъ его безчестну сотворихомъ*». (Стр. 25—26).

Смыслъ приведеннаго размышленія по поводу смерти Скопина — вполнѣ ясенъ. Оно клонится къ признанію насильственной смерти послѣдняго. Даже, замѣтивъ въ началѣ, что объ этомъ говорятъ «нѣцыя», авторъ самъ открыто высказываетъ другое убѣжденіе, вычеркнутое изъ списка, какъ и предъидущее. Мало того. Такому-же исключенію подверглись и прочія мѣста о смерти Скопина, которыя, какъ-бы нарочно, не разъ просились наружу: разъ авторъ написалъ и пребыстъ, а ему дописали: похищеніе смертное; въ другой разъ, высказавъ печаль о распаденіи государства вслѣдъ за смертью Скопина, лѣтописецъ говоритъ: «Король радъ бысть, видя въ Россіи возмятеніе, яко великаго воеводы»; но снова оставляетъ пробѣлъ, въ которомъ вписано: «и крѣпчайшаго поборника кн. М. В. Скопина Шуйскаго въ животѣ не стало» (28)—выраженіе двусмысленное, но въ связи съ пропускомъ для вставки оно показываетъ, что лѣтописецъ затруднялся занести самый фактъ. Какъ это напоминаетъ «выбывшихъ» бояръ царя Ивана Грознаго!

Въ подтвержденіе того, какъ замѣнялись въ о время одни мнѣнія другими, сообразно съ настоящими отношеніями, можетъ служить интересною параллелью для Рукописи Филарета «Иное сказаніе о самозванцахъ»*). Оно написано современникомъ и притомъ приверженцемъ царя Василія Шуйскаго, котораго авторъ постоянно называетъ «великимъ», «страдальцемъ» и даже «святымъ» (Времен. моск. общ. ист. XVI, стр. 30, 34 и др.). Касаясь смерти кн. Скопина, онъ выражается, что «грѣховнаго ради тернія злобы нашея отнялъ отъ насъ Богъ такого звѣрогонителя добраго». Это фигуральное выраженіе избавило автора отъ необходимости высказаться категорически. Но въ томъже самомъ сказаніи, передѣланномъ потомъ не въ пользу царя Шуйскаго, статья о Скопинѣ замѣнена другою, и, замѣчательно, что она замѣнена статьею изъ Сказанія Палицына (Временникъ, 66 и 110). Въ хронографахъ того времени, статьи, относящіяся къ настоящему событію, обыкновенно брались или изъ «Иного сказанія» или изъ Сказанія Палицына. (См. извлеч. изъ хрон. 2 редак. и хрон. Кубасова у Попова въ Изборн. стр. 197—98 и 303).

Такъ называемый Новый лѣтописецъ, имѣющій три редакціи (1-я во Времен. моск. общ. ист. т. XVII; 2-я въ VIII томѣ Никон. лѣтоп. и 3-я—Лѣтопись о мятежахъ и разор. московск. госуд. 2-е изд. 1788 г.), представляетъ собственное изложеніе разсматриваемаго событія. Намъ извѣстны уже указанія его на вражду между Шуйскимъ и Скопинымъ, на подозрѣнія о стремленіяхъ Скопина къ престолу и на совѣтъ Делагарди Скопину, чтобы онъ поспѣшилъ выйти изъ Москвы. «Въ малѣмъ же времени, говорится далѣе въ 1-й ред., впаде онъ въ недугъ тяжкій, таже пойде кровь изъ носа, оттого и преставися. Вси же сущіе на Москвѣ сотвориша плачъ велій... Мнози же глаголаху, что онъ ядомъ напоенъ былъ отъ тетки своей Екатерины князь Дмитріевой жены Ивановича Шуйскаго» (Врем. 114). И такъ, начальный лѣтописецъ сообщаетъ только, что болѣзнь Скопина сопровождалась кровотеченіемъ («оттого и преставися»), и что въ Москвѣ многіе приписывали смерть отравѣ; отъ себя онъ ничего не прибавляетъ. Но передъ тѣмъ онъ намекнулъ на возможность такого исхода, указавъ на вражду Шуйскихъ къ своему племяннику. 2-я и 3-я редакціи согласны между собою, а выписку изъ послѣдней (Лѣтоп. о мятежахъ) мы привели выше. Но, послѣ изложенія событія, авторъ этого разсказа прибавляетъ уже отъ себя слѣдующее разсужденіе: «а подлинно-ль то, единому Богу свѣдомо, мняху бо всѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради

*) Названное такъ потому, что въ одномъ рукопис. сборникѣ XVII вѣка оно помѣщено вслѣдъ за сказаніемъ Палицына.

нашихъ другъ друга ненавидяху и другъ другу завидоваху, видяще кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяще, силою жъ у Бога никому не взять, всяко званіе отъ Бога честь воспріиметъ, и власть даетъ Богъ, кому хощетъ» (178, Никон. 132). Сначала какъ будто лѣтописецъ склоняется объяснить нареканіе на Шуйскихъ завистью къ нимъ; но предъидущія замѣчанія о проискахъ послѣднихъ противъ Скопина, которыя мы привели въ своемъ мѣстѣ, убѣждаютъ, что онъ здѣсь не щадитъ Шуйскихъ, а дальнѣйшее заключеніе совершенно убѣждаетъ въ его расположеніи къ Скопину: «Такожъ и сему храброму князю Михаилу Васильевичу дано (то) отъ Бога бысть, а не отъ человѣкъ». Отсюда ясно, что лѣтописецъ указываетъ здѣсь на то, что одна вражда Д. Шуйскаго и Скопина служила для многихъ достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію въ насильственномъ поступкѣ Шуйскихъ и, какъ-бы въ нравоученіе тѣмъ, которые завидуютъ тому, «кому Богъ даетъ храбрость и разумъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «силоюжъ у Бога никому не взять». Слава осталась, такимъ образомъ, за Скопинымъ, что хотѣлъ и имѣлъ право сказать лѣтописецъ, когда уже смѣнился рядъ событій, въ которыхъ на долю Шуйскихъ выпала столь печальная роль. Таково по нашему мнѣнію это нравоученіе. Но, по своей религіозности, лѣтописецъ, рискнувшій приподнять таинственную завѣсу, долженъ былъ все-таки оградить свое сомнѣніе болѣе непогрѣшимымъ авторитетомъ: «а подлинно-ль то единому Богу свѣдомо». Такая открытая бесѣда съ читателемъ выдаетъ автора, а условія вѣка объясняютъ намъ и остальное. Мы знаемъ уже, что къ такому способу самоочищенія прибѣгаетъ и келарь Троицкаго монастыря Палицынъ, выражаясь, что «единый создавый насъ вѣсть истину»; такъ утѣшаютъ себя и москвичи, убѣжденные въ насильственномъ поступкѣ («аще ли Божіе попущеніе, то воля Господня да будетъ», Сказ. о Скопинѣ, Изборн. 387); точно также и патріархъ Іовъ объявлялъ на соборѣ, что царевичу Димитрію «смерть учинилась Божіимъ судомъ». Быть можетъ потому и Мухановъ приписывалъ Лѣтописи о мятежахъ положительное указаніе на родъ смерти Скопина, и, съ своей стороны, воспользовался ею только для доказательства, что она не обвиняетъ въ томъ царя Василія. (Зап. Жолк. 1-е изд., 308—310).

Въ Псковской лѣтописи объ отравленіи говорится положительно: «Не помпозѣ же времени сотвориша пиръ дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства, и призваша и ядоша и пиша. Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, яко же древняя змія льстивая, подойде княгиня Дмитреева Шуйскаго Христина, Малютина дочь Скуратова, иже бысть наперсникъ и злый совѣтникъ и убійца при великомъ цари Иванѣ и гонитель роду христіанскому, той же и митр. Филиппа задуши, ходатайствуя отъ царя не благословившаго Новградъ плѣнити; сего злаго плода и лютаго варвара злыя отрасли, новыя Иродіады, иже бѣ сестра Борисовы жены Годунова, иже отравою окорми праведнаго царя Ѳеодора, сія же злая діяволя совѣтница яко медъ на языцѣ ношаше, а въ сердцы мечь скова и пронзе праведнаго мужа, пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду съ отравою. Онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству, веземъ чашу и испитъ ю; въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати, вземше его свои принесоша и въ домъ, и призвавъ отца своего духовнаго... и причастися, и предастъ духъ свой... И оттолѣ возгорѣшася злая горши первыхъ въ Руси, иже подробну немощи изрещи, что сотворися тѣма злыма убійцама, или како разорено бысть Московское государство отъ полскаго короля». А послѣ Клушинской битвы москвитяне открыто обвиняли передъ царемъ его братьевъ въ отравленіи племянника (58—59). Правда, авторъ этого разсказа не распространяется о подробностяхъ болѣзни Скопина и не упоминаетъ о пирѣ у Воротынскихъ. Но это обстоятельство не можетъ служить возраженіемъ противъ него, если принять во вниманіе, что и Палицынъ, лучше другихъ знавшій московскія дѣла, не сообщаетъ тѣхъ-же подробностей и ограничивается самымъ общимъ изложеніемъ. Поэтому гораздо важнѣе другой вопросъ — откуда авторъ

Псковской лѣтописи могъ почерпнуть свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ, которыя (разумѣя здѣсь и приведенныя нами во 2-й главѣ) не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ? Но мы знаемъ, что въ то время существовали постоянныя сношенія между Москвою и Псковомъ; во Псковѣ интересовались московскими дѣлами, а въ Москвѣ находились на службѣ псковскіе стрѣльцы, которымъ удалось передъ тѣмъ освободить изъ заключенія своихъ-же согражданъ. Изъ подобнаго источника, безъ сомнѣнія, идутъ свѣдѣнія Псковской лѣтописи о московскихъ дѣлахъ; такъ какъ сообщить о нихъ, съ очевидными чертами мѣстнаго разсказа, могли только лица, близко стоявшія къ событіямъ. Но имя жены Д. Шуйскаго, дочери Малюты Скуратова, напомнило лѣтописцу вліяніе ея отца при Ив. Грозномъ; наѣзды послѣдняго на Новгородъ и Псковъ; участь митр. Филиппа; Бориса Годунова, женатаго на другой дочери Малюты и считавшагося виновникомъ смуты,—и онъ приписалъ всѣ злодѣянія семьѣ опричника; но это, естественное у современника, отступленіе нисколько не уменьшаетъ его свидѣтельства о Скопинѣ. Принимая-же во вниманіе близкое знакомство лѣтописца съ событіями въ Москвѣ, мы не въ правѣ согласиться съ Мухановымъ (въ перв. изд. запис. Жолкевскаго), что, не будучи самъ москвичъ, лѣтописецъ довѣрился однимъ слухамъ. Повторяемъ, онъ даетъ болѣе частныхъ подробностей о нѣкоторыхъ событіяхъ, чѣмъ даже Палицынъ, а это заставляетъ иначе смотрѣть и на источники автора лѣтописнаго извѣстія. С. М. Соловьевъ отвергаетъ его показаніе на основаніи вражды псковитянъ къ ц. Шуйскому; но мы уже привели возраженіе, относящееся сюда, разбирая мнѣніе Бутурлина.

Въ Сказаніи о рожденіи князя М. В. Скопина (Изборникъ Попова, 379—388) обстоятельства его смерти разсказываются согласно съ Рукописью Филарета (пиръ у Воротынскаго и т. д.), съ тою лишь разницею, что жена Д. Шуйскаго называется здѣсь уже Маріею (быть можетъ авторъ назвалъ ее, по забывчивости, именемъ ея сестры, бывшей за Годуновымъ, или смѣшалъ ее съ женою царя Василія Шуйскаго, Маріею), а самый фактъ насильственной смерти признается безусловно (нѣтъ выраженія: «нѣцыя глаголютъ» и т. п.). Это сказаніе представляетъ соединеніе историческаго повѣствованія (точное указаніе чиселъ и событій, форма разсказа) съ поэтическимъ изложеніемъ (особенно стр. 383—87), имѣющимъ размѣръ (въ такомъ видѣ отрывокъ думы представленъ въ Памят. старин. рус. литер., изд. Кушелева-Безбор. подъ ред. Костомарова I, 410—411); но, при всемъ томъ, историческія черты разсказа въ Сказаніи сохраняются *).

Переходимъ къ иностраннымъ извѣстіямъ:

Изъ нихъ Мухановъ и С. М. Соловьевъ опровергаютъ Буссова и придаютъ важное значеніе Жолкевскому. Буссовъ говоритъ: «Храбрый Скопинъ, спасшій Россію, при помощи нѣмцевъ, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду—ядъ. Царь приказалъ отравить его, досадуя, что москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого» (Сказ. о Самозв. I, 114). Авторъ Исторіи Россіи объя-

---

*) Авторъ «Сказанія» съ глубокимъ сочувствіемъ изображаетъ постоянную заботливость о Скопинѣ его матери и преданность его жены. Оно издано г. Поповымъ въ Изборникѣ статей, извлеченныхъ изъ русск. хронограф. въ 1869 г.; но Н. И. Костомаровъ пользовался имъ въ рукоп. Рум. музея (см. Ист. смутн. врем. II, 338). Между тѣмъ, не смотря на то, что и въ повѣсти, и въ отрывкѣ думы, помѣщенномъ въ Памят. стар. рус. лит. II т., изд. подъ его редакціею, жена Скопина-Шуйскаго постоянно называется Александрою Васильевною, онъ въ своей ист. смутн. врем., называетъ ее Анастасіей Васильевною (ib. II, 245, вѣроятно въ слѣдъ за родосл. книгою кн. Петра Долгорукова, Ш, 107). Но Анастасіей жена Скопина называлась уже въ монашествѣ, а въ мірѣ она носила имя Александры (см. Рус. родосл. книгу, изд. редак. Русской Старины, Спб. 1873, 34).

Мать Скопина, послѣ его смерти, также приняла монашество, причемъ названа была Анисіей. Она умерла въ 1631 года и погребена вмѣстѣ съ родомъ Татевыхъ въ Троицк. Серг. монастырѣ (списокъ надгробій Троицк. Серг. монаст. Чтен. моск. общ. ист. годъ I, кн. II, 37). Сохранилась ея «память» въ село Иваново на мельницу Суздальскаго Покровскаго монастыря (Владимір. Сборн., 140), которую хотѣли взять по записи крестьяне. Она помѣчена 10 ноября 1631; но въ надгробіи днемъ кончины А. П. Скопиной означено 19 іюля. Въ Покровскомъ монастырѣ похоронена жена кн. Дим. Шуйскаго, Екатерина, подъ своимъ мірскимъ именемъ (О градѣ Сужд. Времен. XXII, 182).

сняетъ это показаніе нерасположеніемъ Буссова къ Шуйскому; Мухановъ — нерасположеніемъ Буссова къ русскимъ вообще, благосклонностью къ Скопину, опиравшемуся на иностранцевъ и отсутствіемъ автора изъ Москвы. Но мы знаемъ изъ Дневника пох. Сигизмунда, что слухъ объ этомъ событіи вскорѣ распространился по Россіи, что о немъ сообщили сами русскіе, еще недавно служившіе Шуйскому, а разсмотрѣнныя нами выше извѣстія должны убѣдить, что сообщеніе Буссова не было выдумано имъ лично, а вышло изъ среды, болѣе близкой къ происшествіямъ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ обвиненіи въ этомъ дѣлѣ царя Василія; подобное подозрѣніе дѣйствительно существовало. Для многихъ оно было даже логически вѣрно: всѣ знали неудовольствіе, заявленное Скопину царемъ, предложеніе Ляпунова и т. п. факты. Буссовъ былъ отголоскомъ этихъ мнѣній и, по нерасположенію къ ц. Шуйскому, онъ только придалъ своему извѣстію болѣе опредѣленный мотивъ.

Жолкевскій не бьетъ на подобный эффектъ. Извѣстны вообще осторожность и умѣренность Жолкевскаго въ приговорахъ и мнѣніяхъ, придающія такую цѣну его запискамъ относительно Россіи того времени. Противъ него, пожалуй, могъ-бы существовать такой-же доводъ, какъ и противъ Буссова, т. е., что онъ не былъ въ это время въ Москвѣ. Жолкевскій прибылъ туда только въ сентябрѣ 1610 г., когда толки о событіи до извѣстной степени улеглись. Но здѣсь является новое соображеніе. Мы знаемъ уже относящееся сюда мѣсто записокъ Жолкевскаго по 1-му изданію Муханова. Изъ него можно заключить, что Жолкевскій отлично зналъ о подозрѣніяхъ противъ Шуйскаго; но другія показанія, полученныя на мѣстѣ, въ Москвѣ, заставили его сказать, что смерть Скопина случилась отъ лихорадки. Извѣстно, что Скопинъ болѣлъ нѣкоторое время, а болѣзнь его должна была сопровождаться лихарадкою: вотъ источникъ объясненію. Но, кромѣ того, по пріѣздѣ въ Москву, Жолкевскій необходимо сталъ въ весьма близкія отношенія къ Шуйскимъ. Съ ними онъ отправился и въ Смоленскъ, и въ Варшаву: вотъ гдѣ и у кого была полная возможность для Жолкевскаго получить опредѣленныя свѣдѣнія о вопросѣ, который интересовалъ всѣхъ.

Но и съ такимъ важнымъ источникомъ, какъ записки Жолкевскаго, произошла почти такая-же трансформація, какъ и съ Рукоп. Филарета. Въ одномъ изъ списковъ ихъ (принадлежащемъ Спб. публ. библ., изъ библ. Залусскихъ) опущено даже извѣстіе Жолкевскаго о первоначальномъ показаніи (т. е. насильственной смерти Скопина) и упоминается только: «умеръ отъ лихорадки». Отсюда ясно, что рукопись подвергалась измѣненіямъ. Во второмъ изданіи записокъ (Спб. 1871 г.) Мухановъ заявляетъ уже, что списокъ Спб. библ. есть собственно копія съ его списка, съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями, о которыхъ онъ говоритъ: «Можно безошибочно заключить, что эти измѣненія и пропуски сдѣланы Жолкевскимъ для смягченія нѣкоторыхъ выраженій довольно жесткихъ» (предисл. VIII). Въ этомъ изданіи Мухановъ уже иначе передаетъ переводъ приведеннаго нами мѣста, ближе къ духу подлинника: «между тѣмъ, если начнешь разспрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки» (2-е изд. 38) *). Помѣщая-же при этомъ подробное извлеченіе изъ рукописи Филарета, Мухановъ заявляетъ, что, главнымъ образомъ, въ слѣдствіе неполноты текста означеннаго мѣста у Карамзина, онъ выразилъ сомнѣніе въ насильственной смерти Скопина; а приведя извѣстную намъ депешу французскаго агента изъ Москвы (см. 2-ю главу), онъ заключаетъ: «Въ семъ документѣ находимъ мы извѣстіе о высокой популярности, которою тогда пользовался въ Россіи князь Скопинъ-Шуйскій, а также о всеобщемъ мнѣніи, которое тогда было въ Россіи относительно предстоящаго возведенія его на престолъ; это послѣднее обстоятельство еще болѣе заставляетъ насъ думать, что смерть его была насильственна»

*) Wiȩc i to przypadlo, ze Skopin, kiedy naylepiey mial rzeczy popierac, umarl struty, iako zrazu udawano, z porozumieniem Szuyskiego, zemulacyi, ktòra byla miedzy nimi; pytaioc sie iednak o tém, tak sie nayduie, ze febra umarl» (1-е изд. стр. 63; ср. 2-е изд. прилож. 59—60).

(49 — 50, 58). Такимъ образомъ, остальныя возраженія Муханова теряютъ свою силу.

Авторъ Дневника похода Сигизмунда III говоритъ: «жена Д. Шуйскаго отравила его на крестинахъ, какимъ образомъ это еще неизвѣстно, но онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться» (584). Это извѣстіе записано прежде другихъ и современно самому событію. Оно заслуживаетъ вниманія по своему согласію съ тѣми извѣстіями о событіяхъ, сопровождавшихъ смерть Скопина (крестины, участіе жены Д. Шуйскаго, продолжительность болѣзни), которыя принимаются за достовѣрныя. Самыя свѣдѣнія были получены въ лагерѣ короля отъ тѣхъ-же московскихъ бояръ, передавшихся полякамъ въ Можайскѣ, и подтверждены Слизнемъ, уже извѣстнымъ намъ по своимъ сношеніямъ съ Москвою (578, 585—86).

Наконецъ, шведы были также убѣждены въ насильственной смерти Скопина *); а изъ «Сказанія о Скопинѣ» видно, что, узнавъ о болѣзни послѣдняго, Делагарди присылалъ къ нему шведскихъ врачей, помощь которыхъ, къ ихъ общему сожалѣнію, оказалась безполезною (стр. 383).

Таковы извѣстія о смерти Скопина.

Геркманъ, бывшій въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, сообщаетъ, что въ то время въ народѣ были распространены пѣсни объ участи Скопина. Одна изъ нихъ дошла до насъ въ собраніи пѣсенъ, записанныхъ для оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса, который, въ качествѣ священника, состоялъ при англійскомъ посольствѣ въ Россіи въ 1618 — 20 гг. (Гамель. Англичане въ Россіи въ XVI — XVII вв. 242 — 245). Въ этой пѣснѣ народной печали о кончинѣ героя противополагается злорадство бояръ: плачутъ не только москвитяне, но и «свейскіе нѣмцы», а князья Мстиславскій и Воротынскій подсмѣиваются, приговаривая:

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Другая пѣсня посвящена самой катастрофѣ, постигшей Скопина. У князя Воротынскаго крестили сына: кумомъ былъ князь Скопинъ, «правитель царства Московскаго», кумою жена Д. Шуйскаго. За обѣдомъ бояре расхвастались, кто силою, а кто богатствомъ. Скопинъ, не будучи впрочемъ сильно хмѣленъ, похвастался, что онъ очистилъ Московское государство. Это обидѣло бояръ, и они подсыпали зелья въ стаканъ сладкаго меду, который поднесла Скопину жена Д. Шуйскаго, знавшая о томъ. Дальнѣйшій исходъ извѣстенъ. Но изъ этой пѣсни узнаемъ также, что похвалы Скопину и его подвиги воспѣвались на пирахъ пѣвцами (см. Извѣст. Акад. Наукъ по 2 отд. т. I; Собр. пѣс. Кирши Данилова; Ср. Буслаева, Очерки литерат. I, 519 — 525; Галахова, Ист. литер. I, 268; Полевой, Ист. литер. 209—210. Варіанты въ Лѣтоп. русск. литер. изд. Тихонравовымъ, IV, 23—27).

Такимъ образомъ, въ обѣихъ пѣсняхъ вѣрно схвачены историческія и бытовыя черты.

Обращаясь къ историческимъ извѣстіямъ о смерти Скопина, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ не заключается такихъ противорѣчій, которыя могли-бы быть противопоставлены одно другому. Ни одинъ изъ авторовъ этихъ извѣстій не взялъ на себя обязанности опровергнуть сообщаемый ими фактъ. Существенное разногласіе состоитъ собственно въ томъ, что по однимъ послѣдній пиръ называется у Воротынскаго, по другимъ у Шуйскихъ. Но это разногласіе понятно, если принять во вниманіе, что главная роль приписывается именно послѣднимъ. Такъ и Лѣтоп. о мятежахъ (или Нов. лѣтоп.), не упоминающая вовсе о пирѣ, приписываетъ совершеніе дѣла все-таки женѣ Д. Шуйскаго. Съ другой стороны, Палицынъ, заявивъ о подозрѣніяхъ, существовавшихъ у Шуйскихъ противъ Скопина и передавъ извѣстіе о насильственной смерти его, сильно говоритъ противъ нихъ уже тѣмъ, что обходитъ ихъ молчаніемъ при описаніи самой катастрофы, хотя и не жалѣетъ словъ на нравственныя разсужденія по этому поводу. Не странно-ли въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, близкій къ нимъ, такъ близко стоявшій у сце-

*) Procul dubio jussu Suischii, cui ob excellentem virtutem invisus erat, clam veneno sublatus interiit. (Videk. 139).

ны событій; не скрывающій того, что были недоразумѣнія между Скопинымъ и Шуйскими, наконецъ, такъ рѣзко отзывающійся о Д. Шуйскомъ, не проронилъ ни одного слова въ защиту ихъ именно тамъ, гдѣ было совершенно у мѣста? Между тѣмъ самый способъ выраженія его мнѣнія: «но не вѣмъ убо како рещи, божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися—единый создавый насъ вѣсть»—обоюдоостраго свойства. Въ немъ нѣтъ даже того смягчающаго мотива, который можно допустить въ выраженіяхъ «нѣцыя» или «мнози глаголютъ». Палицынъ не рѣшается собственно «како рещи»; но мы знаемъ, что «къ божьему суду» относили тогда и такія преступленія, какъ убійство царевича Димитрія.

Въ нашей исторіи есть рядъ извѣстій о случаяхъ и попыткахъ насильственной смерти, и въ частности объ отравленіи, съ политическою цѣлью. Нѣкоторыя изъ нихъ принимаются безусловно, другія еще требуютъ разъясненія. Укажемъ на тѣ и на другія, ограничиваясь примѣрами болѣе близкими къ нашему вопросу. Такъ, князь Димитрій Шемяка, извѣстный своими притязаніями на московскій престолъ, умеръ въ Новгородѣ, поѣвъ курицы, напитанной ядомъ, присланнымъ изъ Москвы великимъ княземъ, а подъячій Василій Бѣда, прискакавшій въ Москву съ этимъ извѣстіемъ, былъ пожалованъ въ дьяки. И хотя наши лѣтописи по большей части выражаются о Шемякѣ: «преставися» (Новгор. 2-я, 141, годъ 1453; Псков. 2-я, 31; Псков. 1-я, 215; Твер. 495; Хроногр. 1-й ред. у Попова, 83); а нѣкоторыя изъ нихъ ограничиваются намекомъ «умре напрасною смертію», съ указаніемъ на пожалованіе Бѣды, (Соф. 2-я, 180; Никонов. V, 278; Воскресен. 144); тѣмъ не менѣе наши историки принимаютъ самый фактъ насильственной смерти (Карамзинъ, V, 201; Соловьевъ, IV, 83) *). Въ смерти Димитрія Ивановича, племянника велик. кн. Василія III, подозрѣвали злой умыселъ со стороны послѣдняго, такъ какъ нѣкогда они были соперниками на московскій престолъ. Лѣтопись говоритъ: «преставися (14 февраля 1509 г.) благов. князь Дмитрей Ивановичъ въ нуждѣ, и въ турмѣ и положиша тѣло его въ церкви Арханг. Михаила въ Москвѣ, возлѣ отца его велик. кн. Ивана Ивановича» (Ивана Молодаго, Соф. 2-я, 249). Но Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ вскорѣ послѣ того, говоритъ прямо: «одни полагаютъ, что онъ погибъ отъ холоду и голоду, другіе, что онъ задушенъ дымомъ» (Запис. о Московіи, 19). Царевича Димитрія въ Угличѣ хотѣли сначала отравить ядомъ *). Борисъ думалъ отдѣлаться ядомъ и отъ самозванца, подославъ къ нему въ Путивль монаховъ съ сильно-дѣйствующимъ зельемъ (Паерле, 168). Но его замыселъ открылся. Есть извѣстія, что и Борисъ, поставленный успѣхомъ самозванца въ критическое положеніе, принялъ ядъ, или былъ отравленъ другими (Буссовъ, 42; Паерле, 173; Петрей 200; Лубѣнскій, у Карамз. XI. 305 примѣч.) **). Въ

*) «Даша ему лютаго зелія». (Арханг. лѣт. у Карамзина, V, 157).

Въ Русскомъ Лѣтописцѣ, издан. Львовымъ (Спб. 1792, II, 348) съ слѣдующими подробностями: «Тогожъ лѣта (1453 г.) послалъ вел. князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зельемъ уморить кн. Димитрія; онъ же пріѣхалъ въ Новгородъ къ боярину Димитреву, Ивану Котову, повѣда ему рѣчь великаго князя, онъ же обѣщася, яко глаголетъ Давыдъ: ядый хлѣбы моя возвеличи на мя лесть, призва повара на совѣтъ, бысть же князю Димитрію по обычаю восхотѣвшу о полудни ясти, и повелѣ себѣ куря едино изготовить ко обѣду, они же окаянніи смертнымъ зеліемъ доспѣли ему и принесоша е предъ князя, онъ же не вѣда злаго ихъ умыслу яде, и вскорѣ тогдажъ разболѣся и лежалъ двѣнадцатъ дней и преставися, положенъ же бысть въ церкви св. мученика Георгія въ Новѣгородѣ».

*) «Ему же даваху смертоносное зелье, овогда въ ѣствѣ, овогда въ питье, Богъ же храни праведника... Борисъ-же то слышавъ, яко ни во что его не вреди, и оскорбѣся о томъ зѣло». (Никон., Лѣт. VIII, 16. Флетчеръ, глава 5-я).

**) Русскій лѣтоп. говоритъ: «И отъ печали великія Борисъ опивсяумре» (Псков. 1-я, 321). Другой лѣтоп. сообщаетъ подробнѣе: «Царь же Борисъ, слышавъ великую бѣду сію (приближеніе самозванца) зѣло ужасеся и бысть прискорбенъ,... и смертоноснымъ зеліемъ упоивъ себя и бысть мертвъ». (Хроногр. 3-й ред. у Попова, 228; ср. ib. 415).

Авторъ Иного Сказ. говоритъ: «Итако вскорѣ отъ лютаго напоенія скончась горькою и нужною смертію, яко и образу его измѣнити отъ изломанія, и всему тѣлу во уголь почерпѣвшу и виду его, што и сказати невозможно каковъ бысть отъ лютости зелейной». (Времен. Моск. общ. ист. XVI, 22—23).

подкрестной записи Борису, присягавшій клялся не дѣлать зла царскому семейству, причемъ перечисляются самые разнообразные виды зла. Между ними многіе относятся къ тому роду посягательства на жизнь, который назывался тогда «порчею», но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь упоминаются и такія средства, которыя ясно указываютъ на боязнь отравленія (Акты экспед., II, № 10). Отсюда безъ сомнѣнія происходила та благосклонность къ докторамъ со стороны Бориса, на которую обратили вниманіе современники: при немъ состояло нѣсколько медиковъ, которые жили такъ-же роскошно какъ бояре, и, безъ разрѣшенія царя, они не имѣли права лечить постороннихъ (Буссовъ, 19—21). Царь Шуйскій, видя опасность со стороны Болотникова, также прибѣгнулъ къ насилію. Онъ принялъ предложеніе нѣмца Фидлера отравить Болотникова въ Калугѣ. Фидлеръ далъ клятву, что онъ погубитъ его тѣмъ ядомъ, которымъ обѣщалъ, причемъ онъ получилъ отъ царя лошадь и 100 руб., а въ случаѣ успѣха ему обѣщано было дать еще 100 душъ крестьянъ и 300 руб. ежегодной пенсіи. Но, пріѣхавъ въ Калугу, Фидлеръ открылъ все Болотникову и выдалъ ядъ. Въ послѣдствіи онъ попался въ руки Шуйскому и былъ сосланъ въ Сибирь (Буссовъ, 85—86).

Извѣстно, что въ смутныя эпохи факты насильственной смерти становятся болѣе обыкновенными, и смерть Скопина не выходитъ изъ ряда этихъ явленій. Посмотримъ, на сколько соотвѣтствуютъ тому самые признаки его болѣзни. О нихъ мы уже упоминали: это сильное кровотеченіе носомъ и ртомъ (Рукоп. Филар. 26; Никон. лѣт. 132; Лѣт. о мятеж. 177; Нов. лѣт. 114; въ послѣднихъ трехъ говорится только о кровотеченіи «изъ носа»), лихорадка (Жолкевскій), степень продолжительности болѣзни (8—14 дней), и, еслибы «Сказаніе о Скопинѣ» не было богато поэтическими чертами, въ ущербъ историческому изложенію, то мы могли-бы присоединить еще нѣсколько чертъ, дополняющихъ эти данныя *). Псковская лѣтопись также прибавляетъ: «и въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати» (59).

Объ этихъ признакахъ можно сказать, что они не противорѣчатъ нѣкоторымъ родамъ отравленія (Верберъ, Практич. токсикол. 33, 55, 77—78). Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ тогдашнихъ средствъ исчезли для изслѣдователя безвозвратно. Извѣстно однако, что въ составъ сильнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ отравъ въ средніе вѣка и въ XVI—XVII вѣкахъ обыкновенно входилъ мышьякъ, симптомы отравленія которымъ также соотвѣтствуютъ приведеннымъ выше (включая сюда Epistaxis, какъ одно изъ явленій, и самую продолжительность болѣзни, за которою слѣдуетъ смерть). Есть даже примѣры близко подходящіе къ настоящему (Tardieu, Étude médicolégale et clinique sur l'empoisonnement, Paris, 1867, 316—426) Для злонамѣрен-

«Доктора, бывшіе на верху, тотчасъ же узнали, что онъ умеръ отъ яду», говоритъ Масса, находившійся въ то время въ Москвѣ (136). Обстоятельства, сопровождавшія смерть Бориса, были слѣдующія: Послѣ сытнаго обѣда онъ удалился на вышку, съ которой любилъ обозрѣвать Москву, а когда сошелъ внизъ, то немедленно почувствовалъ себя удо. Болѣзнь его сопровождалась конвульсіями («изломаніе»), и кровоизліяніемъ изъ носа и ушей, за которыми послѣдовала смерть съ сильнымъ измѣненіемъ тѣла («во уголь почернѣвшу»). Къ тремъ часамъ дня Бориса уже не стало. Маржеретъ говоритъ, что онъ умеръ отъ апоплексіи (295). Но при апоплексіи отсутствіе сознанія наступаетъ вдругъ, тогда какъ при отравленіи сознаніе затмѣвается постепенно (см. Практич. токсикол. Вербера, 95). Борисъ успѣлъ распорядиться о своемъ постриженіи, а на вопросъ о судьбѣ Россіи, отвѣчалъ: «какъ угодно Богу и земству» (Масса, 136; Smithes, Voyage and entert. in Ruschia, Lond. 1609, 25). О кровоизліяніи, въ письмѣ Дим. Самозванца къ Мнишку, см. у Нѣмцевича, II, 530; Карамз. XI, примѣч. 304).

Борисъ отличался дородствомъ, будучи невысокаго роста, и страдалъ подагрою, мѣшавшею ему ходить. (Масса, 137).

Эти данныя необходимо имѣть въ виду, при объясненіи рода смерти Бориса.

*) Сказаніе говоритъ, что послѣ питья у Скопина «очи ярко возмутилися, а лице его страшно кровью знаменуется, и начатъ утроба его лютѣ терзатися»; и далѣе: «онъ же на ложѣ своемъ въ тоскахъ мечущись и бьющеся и стонущу, крича зѣло лютѣ, аки звѣрь подъ землею» (Изборн. 383).

По словамъ Псков. лѣтоп. Скопина принесли домой съ пира «свои». Но изъ Сказанія видно, что мать его не присутствовала на пирѣ. Это понятно, если принять во вниманіе ея предостереженіе, чтобы онъ не ходилъ въ Москву. Безъ сомнѣнія она была въ разладѣ съ его врагами.

ныхъ отравленій мышьякъ особенно удобенъ, благодаря почти отсутствію вкуса и запаха и дѣйствію въ малыхъ дозахъ. Употребленіе его было хорошо извѣстно и на Западѣ, и на Востокѣ. Замѣчательно также, что въ Италіи, въ вѣкъ наибольшаго распространенія подобныхъ преступленій, ихъ нерѣдко совершали за открытымъ столомъ, при посредствѣ вина и, въ случаѣ смерти, самому факту давали такое-же объясненіе, какое мы встрѣчаемъ въ настоящемъ примѣрѣ въ запискахъ Жолкевскаго (Шлоссеръ, XI, 169) *).

Но если смерть Скопина считать насильственною, то естественно возникаетъ вопросъ— кто былъ виновникомъ ея?

Мы видѣли, что и тѣ показанія, которыя мѣстомъ пира называютъ домъ князя Воротынскаго, и тѣ, которыя совершившійся фактъ относятъ непосредственно къ Шуйскимъ, обвиняютъ въ этомъ дѣлѣ послѣднихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи, относящіеся скептически къ этимъ показаніямъ, имѣли въ виду собственно защиту ц. Шуйскаго. Но этимъ не исчерпывается весь вопросъ.

Дѣйствительно, царь Василій въ состояніи былъ завидовать племяннику, и, по своей подозрительности, долженъ былъ опасаться его вліянія на народъ. Но прямаго разсчета на совершеніе преступленія у него не могло быть. Чтобы посадить на престолъ Скопина, необходимо было низвести царя Василія, а на это едва-ли рѣшился-бы самъ Скопинъ, хоть-бы только въ интересахъ печальныхъ обстоятельствъ того времени. Соглашеніе въ этомъ случаѣ могло быть только обоюдное и добровольное. И потому слуху, который сообщаетъ, что царь Василій рѣшался уже уступить престолъ другому, видно однако, что онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Скопинъ очистилъ сначала Россію отъ поляковъ (Дневн. Сигизм. 584). Царю Василію былъ прямой разсчетъ держаться Скопина, именемъ котораго держалось все. Поэтому онъ старался скрывать свою зависть и открыто чествилъ побѣдителя. Говорятъ, онъ даже хотѣлъ ударить палкою своего брата Димитрія, когда тотъ продолжалъ надоѣдать ему доносами на племянника, и прогналъ его съ глазъ (Videk. 136) *). Притомъ у ц. Шуйскаго не было и династическаго разсчета, такъ какъ онъ не имѣлъ дѣтей. Тѣ писатели, которые говорятъ о прямомъ интересѣ царя извести племянника, судятъ по тѣмъ проявленіямъ его неудовольствія на послѣдняго, о которыхъ тогда ходили слухи, или по предрасположенію людей восходить къ болѣе отдаленному источнику, или, наконецъ, по общему нерасположенію къ царю Василію, котораго, подобно Годунову, стали считать виновникомъ всѣхъ бѣдъ.

Иными побужденіями долженъ былъ руко-

---

*) «Подозрительные припадки пріобрѣтаютъ болѣе доказательную силу, когда они являются вскорѣ послѣ употребленія пищи». (Верберъ, 7).

Въ старину «отравленіе», «порча» и «чаровство» обыкновенно смѣшиваются. Патр. Никонъ, считая себя «испорченнымъ» или «отравленнымъ», принималъ даже противуядія: «Безуемъ каменемъ и индроговымъ пескомъ отпился...; а старцы по три дни лежали; тѣмъ же, что я отпилися, и нынѣ велми животомъ скорбенъ». (Пис. къ Ник. Зюзину, Запис. отдѣл. рус. и слав. Археол. II, 588). Безуй — животный камень, безоаръ. Его употребляли какъ потогонное. (Акты истор. III, 387). Индроговый—конечно инроговый— изъ кости единорога. Рогъ единорога считался вѣрнымъ средствомъ противъ тяжкихъ болѣзней и для поддержанія цвѣтущаго здоровья. Утвержденію такого мнѣнія способствовали иностранцы, и царь Алексѣй Михаиловичъ за три рога готовъ былъ заплатить 10,000 руб. соболями и рухлядью. (Акты истор. IV, 242).

*) Русскій лѣтописецъ сообщаетъ о взаимной ненависти и зависти Скопина и кн. Димитрія (Никон. лѣт. 132; Лѣт. о мятеж. 177 — 178). Конечно, осторожность Скопина не исключаетъ дѣятельной агитаціи его сторонниковъ. Мы уже знаемъ объ ея успѣхахъ. Въ такомъ конечно смыслѣ представляется и указаніе Подробн. лѣт., издан. Львовымъ, о видахъ Скопина на престолъ. Но тамъ-же сообщается, что еще при жизни послѣдняго, изъ опасенія передъ нимъ, царь поручилъ начальство надъ войскомъ кн. Димитрію Шуйскому, что принялъ Скопинъ за обиду. Если въ сбивчивомъ изложеніи этой лѣтописи не смѣшано здѣсь назначеніе начальникомъ войска кн. Димитрія по смерти Скопина, какъ говорятъ другіе источники, то въ приведенномъ фактѣ можно было-бы видѣть всю силу вліянія на царя его брата (Лѣт. Львова, 1799, III, 249). Подозрительность не оставляла царя Василія и по смерти Скопина. Есть современное извѣстіе, что, вскорѣ послѣ этого, царь подвергъ преслѣдованіямъ и заключенію лицъ, служившихъ при Скопинѣ и его слугъ, быть можетъ съ цѣлью вывѣдать его замыслы (Дневн. Сигизм. 601). Это не мѣшало Шуйскому заявлять свою печаль по смерти племянника...

водствоваться кн. Д. Шуйскій. Онъ лелѣялъ въ себѣ мысль по смерти царя заступить его мѣсто. Это льстило его честолюбію, которое въ порочныхъ натурахъ влечетъ къ самымъ крайнимъ средствамъ, для достиженія цѣли. А гордость Д. Шуйскаго не знала предѣловъ. Подчиненные — ненавидѣли его за недоступность и презрительное отношеніе къ нимъ; онъ-же заботился только объ удовлетвореніи своей страсти къ роскоши; между тѣмъ какъ общее положеніе вещей требовало постоянныхъ жертвъ. Такъ отзываются о немъ писатели, лично расположенные къ царю Василію (Палицынъ и авторъ Иного сказанія). Голландецъ Геркманъ, писавшій свою записку со словъ очевидцевъ, ведетъ вражду Д. Шуйскаго къ Скопину со времени порученія послѣднему главнаго начальства; успѣхъ Скопина окончательно возбудилъ противъ него кн. Димитрія. При вступленіи Скопина въ Москву, онъ только издали слѣдилъ за нимъ, стоя на валу города и при этомъ громко назвалъ его своимъ соперникомъ, такъ что всѣ обратили на это вниманіе (стр. 313 — 315). Еще со времени предложенія Ляпунова, царь и братья его стали «держать мнѣніе» противъ Скопина (Ник., Лѣт. о мятеж. Нов. лѣт. 108). Но за тѣмъ, по прибытіи его въ Москву, уже ясно обнаруживается давленіе на царя его братьевъ, а имя кн. Д. Шуйскаго съ женою постоянно упоминается при описаніи ихъ вражды (Ник., Лѣт. о мятеж., Нов. лѣт. 115; Псков. 58; Сказан. о Скоп. 383; Видек., Дневн. Сигизм., Рукоп. Филар. 25) *). Они обвиняли его въ самовольной уступкѣ Кексгольма (Корелы). (Видекиндъ, 139); они возбуждали царя, указывая, что Скопинъ ищетъ царства и они-же являются дѣйствующими лицами на послѣднемъ пирѣ. Узнавъ о постигшей его катастрофѣ, народъ прямо бросается къ дому Д. Шуйскаго, чтобы покончить съ нимъ, и только отрядъ царскаго войска спасаетъ его отъ неистовства толпы *). Показанія писателей, и лично расположенныхъ, и враждебныхъ ц. Шуйскому, окончательно убѣждаютъ, что погибель Скопина была дѣломъ именно Д. Шуйскаго и его жены. Авраамій Палицынъ, по понятной причинѣ умалчивающій объ именахъ дѣйствующихъ лицъ, прямо говоритъ, что «языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся и они съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца», толкуя ему, что «вся земля почитаетъ кн. Михаила паче тебе великій царю» (230); а мы знаемъ по другимъ извѣстіямъ, кто приступалъ къ царю Василію съ такими назойливыми наущеніями и на кого замахнулся палкою царь Василій. Понятно также, почему Палицынъ, разсказывая далѣе о неудачѣ Димитрія подъ Клушиномъ, уже позволяетъ себѣ не щадить его и выставляетъ на видъ общую ненависть къ нему (232). Авторъ «Сказанія о Скопинѣ», подробно описывающій сцену у Воротынскаго и дѣло жены Д. Шуйскаго, говоритъ однако, что самъ царь «возвратясь отъ погребенія въ свою палату, упалъ ницъ на столъ и горько плакалъ по умершемъ» (387). Еще важнѣе свидѣтельство псковскаго лѣтописца, который не щадитъ

*) «Князь Дмитрей Ив. Шуйской съ братіею и со княгинею велію злобу имяху на него чающи того, яко онъ желаетъ быти царемъ» (Нов. лѣт.) Никон. лѣт. говоритъ «о бывшей рени (ссорѣ) между Скопинымъ и Дим. Шуйскимъ съ женою». 132.

Жена Д. Шуйскаго (Екат. Григ.), какъ видно, была женщина властолюбивая и имѣла вліяніе на мужа, подражая своей сестрѣ, женѣ Бориса Годунова. Современники приписывали послѣдней даже утвержденіе въ Борисѣ мысли о завладѣніи престоломъ, а потомъ ему самому приходилось сдерживать въ ней властолюбивыя замашки (Масса, 36, 134). Благодаря ея примѣру, женщины при Борисѣ стали пользоваться большею свободою. Царица любила выѣзжать, окруженная боярынями, слѣдовавшими за ея каретою верхами (Маржер. 268). Дворъ Марины Мнишекъ сталъ еще свободнѣе. Боярыни гуляли по Москвѣ подъ руку съ мужьями (Légende de la vie et de la mort de Demetrius, 1839. Moscou). Жена Д. Шуйскаго вращалась въ этой средѣ. Послѣ смутнаго времени реакція отразилась и на теремѣ.

*) Hinc suspicio rumorque per urbem sparsus, fraude Suischii periisse Scopinum... In authorem sceleris Demetrium Suischium maxime insurgere caepit impetus indignatium... adeo ut vix adireptione aedium ipsius se abstinuissent, nisi ipse Mag. Dux. Basilius vi manuque sua tumultum quidem invadentium, sed animorum motum non composuisset». (Videkind, 139—140).

Этотъ отрядъ войска безъ сомнѣнія состоялъ изъ стрѣльцовъ, которыми начальствовалъ другой братъ Шуйскаго, князь Иванъ Ивановичъ. (Жолкевскій, 157).

царя Василія, описываетъ дѣло жены Д. Шуйскаго, даже самый пиръ относитъ къ дядьямъ Скопина; но при этомъ передаетъ, что послѣ Клушинской битвы народъ требовалъ у Василія Шуйскаго оставить престолъ, а въ смерти Скопина обвинялъ только его братьевъ («твоя братія своего племянника, а нашего государя... отравою окормиша») (59) *).

Эти данныя устраняютъ всякое сомнѣніе въ виновности Д. Шуйскаго и его жены въ дѣлѣ Скопина. Но ихъ торжество было непродолжительно. Интрига, пустившая глубокіе корни въ тогдашнемъ политическомъ строѣ русскаго общества, подрывала довѣріе и къ лицамъ, бравшимъ на себя иниціативу его умиротворенія, и оно снова бросилось въ водоворотъ борьбы, изъ который вышли новые дѣятели, съумѣвшіе объединить враждебныя другъ другу стремленія распадавшагося общества.

*) Въ другомъ Сказаніи, помѣщенномъ тамъ-же, эта мысль выражается еще яснѣе: «Тогда, грѣхъ ради нашихъ, въ Московскомъ государствѣ бысть раздоръ въ людехъ, царя Василія возненавидѣша за многое кровопролитіе, второе же братія его племянника своего возненавидѣша за храбрость его, князя Мих. Скопина, иже нѣмецъ наятъ и отгна вора съ Литвою, и вманивъ его къ Москвѣ отравою уморища» (Полн. собр. рус. лѣт. V, 71).

В. Иконниковъ.

